S 38/467

38.
467.

Ф 1-78
9823

НОВЫЯ ДАННЫЯ

по

ИСТОРІИ ЗАСЕЛЕНІЯ СИБИРИ.

Л. С. Личковъ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго Михайловская улица, домъ № 4-й.
1894.

Печатано по постановленію Совѣта Общества Нестора лѣтописца.
(Оттискъ изъ IX-й книги „Чтенія въ Историч. Общ. Нест. лѣт.“).

2007055028

Новыя данныя по исторіи заселенія Сибири.

Производившееся съ 1887 по 1892 годъ на средства Министерства Государственныхъ Имуществъ, по Высочайшему повелѣнію, въ цѣляхъ предстоящаго землеустройства сибирскихъ крестьянъ, статистическо-экономическое изслѣдованіе такъ называемой Восточной Сибири дало мнѣ, съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей по работѣ, возможность собрать нѣкоторыя свѣдѣнія и по исторіи ея заселенія. Въ программу изслѣдованія, преподанную намъ отъ Министерства, вопросы исторіи совсѣмъ не входили. Но необходимость быть при производствѣ изслѣдованія въ каждомъ населенномъ пунктѣ, вступать въ бесѣду съ населеніемъ каждой самой маленькой деревеньки объ экономическихъ условіяхъ его жизни, о мѣстныхъ условіяхъ и особенностяхъ, о бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, которыя оно переносило, давала возможность попутно, кстати, почти не увеличивая времени на производство изслѣдованія въ установленныхъ программою предѣлахъ, собирать отъ того же населенія и свѣдѣнія о времени его поселенія, объ исторіи основанія селеній и обстоятельствахъ его сопровождавшихъ.

Собранный этимъ путемъ матеріалъ по исторіи заселенія, какъ совершенно не относящійся къ задачамъ производившагося, на средства Министерства, изслѣдованія, спеціальной обработкѣ—въ числѣ прочихъ добытыхъ при помянутомъ изслѣдованіи данныхъ—не подлежалъ и подлежать не могъ.

Такимъ образомъ, онъ долженъ былъ бы оставаться безъ пользы, и это соображеніе побудило меня воспользоваться имъ въ данномъ случаѣ, какъ темой для настоящаго доклада въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца.

Поэтому я буду имѣть честь въ настоящемъ краткомъ изложеніи представить гг. членамъ Общества содержаніе помянутаго матеріала, по скольку онъ касается одной изъ изслѣдованныхъ губерній—Енисейской.

Но прежде чѣмъ приступить къ этому изложенію, я долженъ ознакомить читателей съ пріемами, употребленными для собиранія матеріала, съ его особенностями, достоинствами и недостатками и, такъ сказать, подвергнуть его извѣстной критикѣ, которая дала бы необходимое представленіе о томъ, на сколько и въ какихъ предѣлахъ можно имъ пользоваться.

Помянутое мною статистическое изслѣдованіе производилось объѣздомъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ подлежавшаго изученію края, т. е. собираніе данныхъ велось на мѣстахъ путемъ непосредственнаго опроса мѣстныхъ жителей и подворной переписи всего населенія. На мѣстахъ же по этому производились и разспросы у жителей—преимущественно въ *данномъ* случаѣ у стариковъ и дѣдовъ,—обо всемъ томъ, что сохранилось у нихъ въ памяти о времени поселенія ихъ деревень въ этомъ краѣ, или что помнятъ они по этому поводу изъ разсказовъ своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ.

На первыхъ же порахъ при подобныхъ опросахъ удалось замѣтить, что мѣстное населеніе, въ общемъ, съ интересомъ относится къ своему прошлому, съ охотой разсказываетъ все, что знаетъ о себѣ и о сосѣдяхъ, само интересуется знать, „откуда—какъ они выражаются—пошло ихъ селеніе“, и т. п. Случалось, что когда вопросъ о прошломъ, обращенный къ цѣлому нарочито собранному сходу, не получалъ должнаго отвѣта, за отсутствіемъ стариковъ, помнящихъ еще давнія времена или разсказы своихъ отцовъ, то сходъ по собственной иниціативѣ, командировалъ кого-нибудь на другой конецъ деревни за старымъ дѣдомъ, лежащимъ на печкѣ. Нерѣдко бывало также, что сходъ рекомендовалъ спрашивающему самому посѣтить древняго старца, уже не двигающаго ногами, который все старое хорошо помнитъ и имъ самимъ все такъ складно, „точно по письмамъ“, много разъ разсказывалъ, „только они безъ него сами разсказать не берутся, боясь какъ бы чего не напутать“. Показанія, собранныя такимъ путемъ отъ жителей одной деревни, по возможности, сопоставлялись и провѣрялись съ однородными показаніями жителей сосѣднихъ селеній о времени и условіяхъ поселенія той же деревни: въ каждомъ селе-

ніи собирались по возможности, свѣдѣнія не только объ этомъ самомъ поселкѣ, но и объ окрестныхъ. Добытыя данныя сопоставлялись другъ съ другомъ въ видахъ дополненія недосказаннаго и возможнаго исправленія неточностей.

Тѣже свѣдѣнія, по возможности, собирались на мѣстахъ же и отъ должностныхъ лицъ волостныхъ правленій, которые иногда сообщали весьма цѣнныя указанія по этому вопросу отчасти вслѣдствіе знакомства своего съ нѣкоторыми архивными дѣлами, отчасти вслѣдствіе болѣе близкаго знакомства съ перепиской по поводу образованія въ ихъ волости селеній, возникавшихъ въ послѣдніе 10—15 лѣтъ,—иногда же давали важныя указанія по поводу того, гдѣ и къ кому надо обратиться, кто можетъ сообщить болѣе полныя и достовѣрныя по этому поводу данныя.

Къ разбору дѣлъ и вообще архивныхъ матеріаловъ приступать почти не приходилось, потому что ни я и никто изъ моихъ товарищей не располагали для этого необходимымъ временемъ и могли получать данныя по исторіи заселенія только попутно, только примѣняя тотъ же способъ разспроса, какой былъ нами принятъ для собиранія статистическихъ матеріаловъ,—*только по преданіямъ, сохранившимся у мѣстнаго населенія.* Этимъ въ извѣстной мѣрѣ ослабляется значеніе собраннаго матеріала. Прежде всего, очень давнія селенія совсѣмъ уже забыли всякія преданія о своемъ поселеніи и справку объ этомъ можно найти только въ однихъ архивахъ. Но и тамъ, гдѣ преданія еще существуютъ, мѣстами, за давностью времени, дѣды могли кое что позабыть, перепутать, ошибиться годами, упустить нѣкоторыя, иногда и существенныя, подробности. Передаваемое изъ устъ въ уста, отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ прадѣдовъ къ дѣдамъ, могло быть передано недостаточно точно. Чѣмъ поэтому дальше отъ насъ моментъ заселенія извѣстной мѣстности, тѣмъ менѣе точны собранныя о ея заселеніи данныя, тѣмъ менѣе точны указанія о времени. Въ то время какъ для селеній, основанныхъ въ недавнее время, моментъ ихъ основанія могъ быть установленъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, съ точностью до одного года, для селеній значительно болѣе старыхъ такая точность остается доступной лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и время опредѣляется съ приблизительными колебаніями въ 3—5—10 лѣтъ, смотря по давности прошедшаго съ тѣхъ поръ періода. Для селеній же въ дѣйствительности основавшихся еще до прапрадѣ-

довъ—лѣтъ 150—200 и болѣе назадъ—моментъ ихъ возникновенія опредѣляется обыкновенно лишь круглыми цыфрами съ колебаніями въ 30—50, а иногда и болѣе лѣтъ, въ извѣстныхъ случаяхъ дающими однако, при счетѣ пережившихъ поколѣній и по другимъ, одновременно сообщаемымъ даннымъ объ условіяхъ заселенія, о существовавшихъ въ то время деревняхъ въ окрестностяхъ и проч., матеріалъ для болѣе или менѣе точнаго установленія момента, съ котораго существованіе селенія оказывается возможнымъ признать несомнѣннымъ.

Прежде чѣмъ пользоваться этимъ матеріаломъ для обработки и выводовъ, зная уже его специфическіе недостатки и особенности, я все таки рѣшилъ испытать его сравненіемъ съ случайно добытыми мною, оффиціальными архивными данными о времени заселенія по двумъ совершенно разнороднымъ районамъ. Сравненіе тѣхъ и другихъ данныхъ убѣдило меня въ томъ, что пользованіе свѣдѣніями, собранными отъ жителей разспроснымъ путемъ, вполнѣ допустимо и возможно при необходимой осторожности въ обращеніи съ ними, такъ какъ разспросныя свѣдѣнія, въ общемъ, незначительно отличаются отъ архивныхъ и то лишь относительно селеній очень давняго происхожденія.

Въ виду всего вышеизложеннаго, этимъ матеріаломъ хотя и можно пользоваться, но на него надобно все-таки смотрѣть какъ на приблизительный — и, главнымъ образомъ, по отношенію къ свѣдѣніямъ *собственно о времени* образованія отдѣльныхъ поселковъ. По этому при разборѣ этихъ данныхъ я старался, независимо отъ взаимной провѣрки собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ о разныхъ селеніяхъ свѣдѣній, по возможности, съ осторожностью установлять тотъ моментъ, который слѣдовало принять, какъ время, наиболѣе соотвѣтствующее дѣйствительному образованію того или другаго населеннаго пункта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходилось поэтому установлять даже не время дѣйствительнаго поселенія, а только моментъ, съ котораго фактическое существованіе извѣстнаго селенія въ данной мѣстности становилось несомнѣннымъ, оставляя въ то же время подъ вопросомъ самый моментъ возникновенія этого селенія. Этимъ все-таки достигалась возможность, пользуясь большимъ числомъ данныхъ, съ большею точностью установлять время, съ котораго извѣстные районы и мѣстности слѣдовало бы уже считать заселенными и

дѣлать между различными районами изслѣдованнаго края сравненія по времени заселенія, могущія въ извѣстной мѣрѣ уяснить и, такъ сказать, географическій ходъ его заселенія. Тѣмъ не менѣе, желаніе по возможности устранить сомнительные выводы изъ собранныхъ матеріаловъ, побудило меня совсѣмъ выдѣлить изъ разсмотрѣнія довольно значительную часть добытыхъ показаній. При 628 самостоятельныхъ населенныхъ пунктахъ 4-хъ округовъ (или уѣздовъ) *Енисейской* губерніи [1]), собранныя по исторіи заселенія данныя относятся приблизительно къ 550 такимъ пунктамъ, но около 100 изъ нихъ совсѣмъ изъяты мною изъ разсмотрѣнія въ виду ихъ недостаточности или же сомнѣнія въ достовѣрности; подлежащія такимъ образомъ изслѣдованію данныя относятся въ настоящемъ случаѣ лишь къ 461 населенному пункту, что однако составляетъ свыше 73% общаго числа населенныхъ пунктовъ въ этихъ округахъ.

При всемъ этомъ оказалась тѣмъ не менѣе цѣлая серія селеній, относительно которыхъ твердо установить удалось только то, что эти селенія несомнѣнно *старыя*, что мѣстное населеніе времени поселенія своего здѣсь не помнитъ, и ни у отцовъ, ни у дѣдовъ, ни у прадѣдовъ воспоминаній о времени образованія ихъ селеній никакихъ не сохранилось. Именно это отсутствіе какихъ бы то ни было воспоминаній, при неимѣніи какихъ-либо иныхъ точныхъ указаній о времени поселенія, и могло быть съ полною несомнѣнностью признано доказательствомъ того, что селеніе принадлежитъ къ числу старыхъ, пережившихъ, по крайней мѣрѣ, четыре или пять поколѣній.

Для человѣка, привыкшаго разрабатывать исторію на основаніи архивныхъ и вообще письменныхъ документовъ, такого рода матеріалъ, основанный исключительно на устныхъ преданіяхъ, имѣетъ вѣроятно весьма небольшую цѣну. Но въ данномъ случаѣ и въ его глазахъ цѣнность собраннаго матеріала неизбѣжно должна повыситься по слѣдующимъ причинамъ. Архивъ Красноярска—губернскаго города Енисейской губерніи—сгорѣлъ лѣтъ 10 назадъ и имѣвшіеся въ немъ цѣнныя данныя по настоящему вопросу утрачены такимъ образомъ безъ слѣда. Многіе мѣстные окружные (т. е. уѣздные) и волостные архивы тоже частію сгорѣли, частію утрачены и расхи-

[1]) О заселеніи которой только и будетъ рѣчь въ послѣдующемъ изложеніи.

щены; надзоръ же за ними и въ настоящее время неудовлетворителенъ, такъ что постепенно и они подвергаются расхищенію.

Такимъ образомъ исчезаетъ безповоротно масса данныхъ, по которымъ бы можно было возстановить исторію заселенія края. При такомъ условіи наличность данныхъ по этому вопросу, собранныхъ изъ устныхъ преданій, въ значительной мѣрѣ восполняетъ образовавшуюся брешь, которая такъ на вѣки и осталась бы брешью, если бы не обратить вниманія на сохраненіе этихъ преданій и предоставить населенію забыть о своемъ прошломъ даже и то немногое, что осталось еще въ его памяти по настоящее время.

На ряду со всѣмъ этимъ важно еще имѣть въ виду и то, что оффиціальныя данныя по исторіи образованія населенныхъ пунктовъ нерѣдко сами по себѣ недостаточны, опаздываютъ противъ дѣйствительности и потому сами по себѣ требуютъ дополненія ихъ устными преданіями.

Я хочу этимъ сказать, что оффиціальная переписка о возникновеніи и образованіи селенія весьма часто возбуждается только тогда, когда сами жители возникшаго селенія вздумаютъ возбудить передъ начальствомъ вопросъ объ оффиціальномъ признаніи ихъ существованія, или когда — какъ бываетъ въ Сибири — само начальство неожиданно откроетъ существованіе доселѣ неизвѣстнаго ему селенія. Въ обоихъ случаяхъ, между дѣйствительнымъ моментомъ возникновенія селенія и его оффиціальнымъ признаніемъ или, по крайней мѣрѣ, возбужденіемъ о немъ переписки, проходитъ извѣстный, иногда и очень продолжительный промежутокъ времени, при чемъ новопоселенцы не рѣдко даже нарочно, изъ боязни отвѣтственности за самовольный захватъ земли или наложенія податей за весь истекшій со дня поселенія періодъ, скрываютъ отъ начальства время дѣйствительнаго своего поселенія. За примѣрами ходить не далеко: д. Корелина, Новос. в. Минус. округа, основана около 150 лѣтъ назадъ, а деревнею стала считаться оффиціально только 120 лѣтъ назадъ; лѣтъ 80 назадъ крестьяне с. Кавказскаго, Тес. в. Мин. округа, стали заводить заимки въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ деревня Галактіоновская, а считается, что деревня существуетъ только 45 лѣтъ.; селеніе Кульчетское, Новос. вол., составляло раньше заимку с. Комскаго, которая начала свое существованіе лѣтъ около 100 назадъ, когда въ немъ было уже 40 дворовъ; въ Курагинскій заселокъ Можарку основатели ея — пермскіе и

вятскіе старовѣры—пришли за 3 года до оффиціальнаго его основанія и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ, оффиціальная дата весьма нерѣдко опаздываетъ, и даже значительно запаздываетъ противъ дѣйствительности, и уже однимъ только этимъ обусловливается необходимость дополнять для выясненія истины имѣющіяся оффиціальныя архивныя данныя свѣдѣніями, добытыми изъ устъ самихъ жителей, такъ какъ иначе исторія заселенія и, въ особенности, время заселенія тѣхъ или другихъ мѣстностей по однимъ только оффиціальнымъ даннымъ — представилась бы въ нѣсколько неправильномъ видѣ.

Но эти оффиціальныя отступленія отъ неоффиціальной дѣйствительности весьма существенны и важны не только въ вопросѣ объ исчисленіи времени поселенія, но и въ другихъ отношеніяхъ. Въ архивахъ сохраняются только оффиціальныя данныя, въ которыя входятъ свѣдѣнія лишь, такъ сказать, о внѣшней сторонѣ образованія селенія. Это—прошеніе засельщиковъ о признаніи ихъ заселка селеніемъ и о прирѣзкѣ имъ земли, съ указаніемъ иногда—«для видимости начальства»—мотивовъ ихъ просьбы, соображеній, въ силу которыхъ имъ настоятельно требуется то и другое, затѣмъ свѣдѣнія о соотвѣтствующихъ «по сему прошенію» распоряженіяхъ начальства, о посылкѣ землемѣра и указаніи селенію границъ его оффиціальнаго земельнаго владѣнія (которое, надо замѣтить кстати, въ Сибири весьма часто совсѣмъ не согласуется съ дѣйствительнымъ), наконецъ свѣдѣнія о какихъ либо льготахъ, испрошенныхъ засельщиками и дарованныхъ правительствомъ; на этомъ дѣло и заканчивается. Что же было до и послѣ этого—все то остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. И только разспроснымъ путемъ оказывается возможнымъ разъяснить съ желательною подробностію высокоинтересную и поучительную для будущаго исторію выхода поселенцевъ съ родины и причинъ, побудившихъ ихъ къ этому, исторію ихъ дальняго и тяжелаго пути до Сибири и затѣмъ блужданія по незнакомой странѣ въ поискахъ за тѣмъ, «гдѣ лучше», причины и исторію неудачныхъ осѣданій на томъ или иномъ мѣстѣ, связанную съ разрушеніемъ только что основанныхъ хозяйствъ и переходомъ на новыя мѣста для новаго поселенія. Только этимъ разспроснымъ путемъ оказывается возможнымъ въ должной подробности выяснить исторію борьбы пришельцевъ съ инородцами, съ старожилами-сибиряками изъ-за захваченной земли, изъ-за права пахать, рубить и косить

тамъ, «куда топоръ и коса ходитъ» (такъ какъ отголоски борьбы этого рода далеко не всегда доходятъ до начальства и дѣлаются достояніемъ архивовъ), наконецъ исторію борьбы съ природой, съ чуждыми условіями жизни, съ новыми условіями хозяйства, исторію акклиматизаціи, осибиряченія новопришельцевъ — вплоть до того момента, когда новый поселокъ самъ уже начинаетъ считать себя старожильнымъ, сибирякимъ. — Слишкомъ много изъ всего этого, къ сожалѣнію, не проникаетъ въ наши архивы, и это само собою обусловливаетъ, мнѣ кажется, не только полезность собираемыхъ разспроснымъ путемъ данныхъ, но и желательность ихъ *даже и въ томъ случаѣ*, если вопросъ о заселеніи разрабатывается при полномъ запасѣ архивнаго матеріала.

Въ частности, данныя этого рода имѣютъ еще и то цѣнное практическое значеніе, что въ подробностяхъ выясняютъ исторію и дѣйствительныя причины неудачъ многихъ, имѣвшихъ мѣсто въ Сибири, правительственныхъ попытокъ по части подневольной и вообще правительственной колонизаціи края и даютъ цѣнныя для будущаго указанія, которыя врядъ ли найдутся въ оффиціальной перепискѣ по поводу устройства этихъ казенныхъ поселеній.

Добытыя разспроснымъ путемъ, свѣдѣнія эти могутъ имѣть еще для историка значеніе также указаній на долженствующіе храниться въ архивахъ цѣнные матеріалы, требующіе болѣе или менѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія. Многія селенія, напримѣръ, образовались такъ давно, что жители не помнятъ подробностей поселенія, но у нихъ твердо сохранились въ памяти такія черты изъ исторіи ихъ обоснованія, которыя невольно обращаютъ на себя вниманіе и возбуждаютъ интересъ къ розысканію соотвѣтствующихъ архивныхъ документовъ. Таковы указанія на то, что с. Шеламовское, Тасѣевской волости, Канскаго округа, заселено было будто бы по распоряженію правительства присылкою сюда мелкихъ дворянъ для усмиренія какихъ то инородцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ «чуди», о чемъ будто бы существуетъ указъ императрицы Екатерины II отъ 1768 года; что с. Суховское той же волости образовано по распоряженію правительства изъ части шайки разбойниковъ, пошаливавшихъ около г. Енисейска; что с. Тичино, Еловской волости, Красноярскаго округа, состоитъ изъ крестьянъ, поступившихъ добровольно будто-бы въ свое время, въ чаяніи для себя выгодъ, въ разрядъ помѣщичьихъ подъ власть какого то

случайнаго мѣстнаго землевладѣльца и отбывавшихъ на помѣщика барщину, тогда какъ вездѣ вокругъ ни о частныхъ землевладѣльцахъ, ни о помѣщичьихъ крестьянахъ, повидимому, и слуху не было.

Собранныя разспросами данныя, о которыхъ я говорю, составляютъ въ сыромъ видѣ довольно объемистый матеріалъ въ видѣ иногда отрывочныхъ, иногда подробныхъ записей по каждому отдѣльному населенному пункту: селу, деревнѣ, выселку, самостоятельной заимкѣ.—записей, часто весьма интересныхъ по подробностямъ въ нихъ сообщенныхъ; но излагать ихъ здѣсь было бы неумѣстно, потому что это потребовало бы слишкомъ много времени, утомило бы читателей и все-таки не дало бы возможности составить, при бѣломъ чтеніи, достаточно яснаго представленія объ условіяхъ и характерѣ заселенія различныхъ мѣстностей края въ разное время. Но этому въ данномъ случаѣ я постараюсь только, по возможности, ознакомить читателей съ тѣми выводами, которые, при осторожномъ пользованіи, вытекаютъ изъ этого матеріала, что одновременно и дастъ имъ понятіе объ условіяхъ и времени заселенія этого края и о значеніи собиранія такихъ свѣдѣній относительно существующихъ у населенія преданіяхъ по исторіи заселенія.

Для будущаго историка Сибири, конечно, важнѣе было бы, можетъ быть, имѣть эти, собранныя разспроснымъ путемъ, записи не сведенными: по отдѣльнымъ селеніямъ, въ ихъ первоначальномъ видѣ, тѣмъ болѣе, что сводка не можетъ представить ихъ въ полномъ видѣ, не можетъ исчерпать даже половины заключающихся въ нихъ фактовъ. Но, высказавъ свою личную точку зрѣнія на значеніе этого матеріала, я—статистикъ по спеціальности предоставляю Обществу, какъ компетентному въ историческихъ вопросахъ высказать окончательное сужденіе о томъ, долженъ ли этотъ сырой матеріалъ остаться только личнымъ моимъ достояніемъ и долженъ ли такого рода матеріалъ приниматься во вниманіе при изученіи мѣстной исторіи.

Теперь я обращусь къ разсмотрѣнію добытыхъ разспроснымъ путемъ данныхъ.

Изъ общаго числа нынѣ существующихъ 461 селеній, время основанія которыхъ болѣе или менѣе установлено, около 90 основаны съ помощью правительства: изъ нихъ около 20 составляютъ въ полномъ смыслѣ казенныя поселенія изъ поселенцевъ, изъ штрафныхъ

солдатъ, изъ переведенныхъ изъ Европейской Россіи козаковъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ, взятыхъ въ солдаты, но только принятыхъ «въ зачетъ рекрутъ», а въ дѣйствительности употребленныхъ для заселенія Сибири; остальныя же изъ 90—приблизительно 70 поселковъ, основанныхъ съ пособіемъ отъ правительства, т. е. съ дарованіемъ льготъ на проѣздъ или на обзаведеніе, льготъ въ платежахъ, въ рекрутчинѣ, большею частію основаны вольными поселенцами, пришедшими по собственной инціативѣ или по вызову правительства, сдѣланному тоже въ видахъ заселенія края. Все остальное (изъ 461—374) это вольныя поселенія, основанныя безъ денежнаго пособія казны на дорогу и на устройство на мѣстѣ. Меньшинство изъ нихъ основано непосредственно переселенцами изъ Европейской Россіи; небольшая часть - такими же переселенцами, но уже осѣдавшими въ другихъ мѣстахъ и потому обосновавшимися въ пынѣшнихъ селеніяхъ не непосредственно по приходѣ съ родины; большинство—крестьянами изъ сибирскихъ деревень, преимущественно той-же Енисейской губерніи—изъ такихъ деревень, которыя въ моментъ выхода изъ нихъ основателей этихъ новыхъ селеній считались уже сибиряцкими; или такими изъ нихъ выселенцами, которые уже болѣе или менѣе долго тамъ пробыли, обжились, значительно осибирячились и основались было тамъ достаточно прочно. Заселенцы этого рода либо прямо уходили съ насиженнаго уже мѣста на новое, болѣе для нихъ подходящее, заранѣе намѣченное, либо -рѣже —на поиски такого мѣста, или-же основывали новыя селенія такимъ образомъ: они постепенно отселялись неподалеку отъ своего селенія куда-нибудь поближе къ своимъ пашнямъ или покосамъ, или къ тому мѣсту, гдѣ былъ лучшій выпасъ скоту, не прерывая однако своихъ сношеній съ метрополіей и продолжая числиться при старой деревнѣ. Это образовывался выселокъ. Впослѣдствіи, разростаясь естественнымъ путемъ и притокомъ переселенцевъ извнѣ, онъ окончательно выдѣлялся въ особую деревню, пріобрѣтая новую кличку, но иногда, по старой привычкѣ, продолжая все-таки именоваться не селомъ, не деревней, а выселкомъ. Другой способъ отселенія былъ похожъ на этотъ. Нѣкоторые хозяева отселялись тоже поближе къ своимъ покосамъ и пашнямъ не окончательно, а только на время—на лѣто, чтобы не тратить времени на переѣзды къ дальнѣйшимъ угодьямъ. Для жилья они устраивали тамъ шалаши, а то и избы—благо лѣсу было вдоволь—и жили тамъ сначала дѣй-

ствительно только лѣтнее время. Такъ образовалась заимка. Но по мѣрѣ того, какъ заимочники расширяютъ свои распашки вокругъ заимки, кое кто, признавая уже болѣе выгоднымъ жить на заимкѣ и зиму, начинаетъ переселяться туда окончательно. Постепенно заимка превращается въ постоянный поселокъ, разростающійся впослѣдствіи тѣмъ же путемъ, какъ и выселокъ, и тоже отдѣляется современемъ отъ метрополіи въ особое самостоятельное селеніе, сохраняющее временами и въ своемъ названіи слѣды происхожденія отъ заимки; наприм., селеніе Голопуповка, оно-же «заимка Амонашевская», происшедшее изъ Амкаульской деревни Канскаго округа; селеніе Нижнезаимское Тинской волости и т. п. Иногда заимка разростается въ самостоятельное селеніе только, или исключительно, на счетъ притока новыхъ селеній изъ метрополіи, иногда же главную роль въ увеличеніи ея населенія играетъ притокъ новыхъ лицъ извнѣ, или же и то и другое вмѣстѣ. Изъ бывшей заимки жителей гор. Красноярска образовалось свыше 150 лѣтъ назадъ с. Кордачино пригородной Заледѣевской волости: изъ пригородной заимки жителей г. Ачинска и окрестныхъ деревень произошло лѣтъ 70 назадъ нынѣшнее село Бѣлоярское; такимъ образомъ селенія возникали не только изъ деревенскихъ, но и изъ нѣкоторыхъ городскихъ заимокъ. Иногда заимка основывалась нѣсколько инымъ образомъ. Новоприселенцы приходили въ уже существующее селеніе и просили общество о принятіи ихъ въ свою среду. Получивъ согласіе, они не водворялись въ селеніе или потому, что усадебное мѣсто было тѣсно, или потому, что разработку подъ пашни приходилось дѣлать вдали отъ селенія, такъ какъ все кругомъ него уже было разработано старожилами, или, наконецъ, потому, что хотѣли жить особо отъ старожиловъ. Поэтому они образовывали отдѣльный поселокъ, который, какъ несамостоятельный, считался заимкой, пока самъ не выдѣлялся въ особое, тоже самостоятельное общество (напримѣръ, Какуръ, Нахв. вол.). Общее число нынѣшнихъ селеній, завѣдомо происшедшихъ отъ выселковъ и заимокъ (послѣднихъ—въ особенности) достигаетъ почти 80, т. е. приблизительно 17% общаго числа нынѣшнихъ селеній, по вопросу о заселеніи которыхъ имѣются свѣдѣнія.

Въ образованіи селеній весьма важную роль играло между прочимъ присутствіе хотя бы самой ничтожной осѣдлости въ данномъ районѣ. Присутствія одного двора часто уже было достаточно для того, чтобы около него начали селиться одинъ за другимъ все новые

и новые засельники, и одинокая усадьба забравшагося въ глушь одинокаго же переселенца превращалась иногда даже въ сравнительно короткое время—въ цѣлое селеніе. Присутствіе уже одного двора давало, во первыхъ, для вновь пришедшаго возможность общенія съ людьми среди таежныхъ условій жизни и нѣкоторое право въ извѣстной мѣрѣ разсчитывать на помощь старосела; во вторыхъ, оно, такъ сказать, подкрѣпляло новоприселенца въ правильности его соображеній объ удобствѣ даннаго мѣста, такъ какъ въ лицѣ одинокаго старосела онъ видѣлъ человѣка, тоже признавшаго эти мѣста удобными и уже доказавшаго это своимъ житьемъ здѣсь. Такимъ образомъ образовался, напримѣръ, такъ называемый выселокъ Шулиниха, Уринской волости Канскаго округа: выселился туда лѣтъ 20 назадъ пасѣчникъ Сафоновъ изъ с. Александровскаго, чтобы имѣть тамъ пчельникъ въ удобномъ мѣстѣ, а къ нему постепенно переселились и другіе: на рѣчкѣ Ноймѣ въ Ацырской вол. того же округа первымъ поселился мельникъ Рахмановъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ сравнительно старый уже заселокъ, извѣстный подъ именемъ заимки Ноймишской; мельникъ переселился на построенную имъ мельницу, привезъ пашни, а потомъ переселились и другіе: селеніе Сургутское Ачинскаго *округа тоже образовалось подобнымъ образомъ*: сначала одинъ, потомъ другой изъ жителей Балахты поставили здѣсь на рѣчкѣ мельницы и поселились, а погодя образовалось и цѣлое селеніе; большое село Свинцово Вознесенской волости, уже существующее лѣтъ 200, основано выселенцемъ изъ с. Коршина, ходившимъ въ эти мѣста на охоту: посѣщая ихъ онъ приглядѣлъ себѣ мѣсто въ районѣ охоты поселился и къ нему стали переселяться другіе. Впрочемъ, случаи одиночнаго поселенія, повидимому, были рѣдки, вслѣдствіе чего рѣдко же приходится слышать о селеніяхъ, основателями которыхъ были одинокіе засельщики. Этому не могла способствовать и сама природа, самыя условія поселенія, потому что и теперь еще въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ одна уже борьба съ тайгой, не говоря о борьбѣ со звѣремъ, о трудности одиночной, неартельной работы и проч.—является непосильной для одинокихъ засельщиковъ, такъ какъ разработываемое изъ-подъ тайги топоромъ и руками заростаетъ ею вновь со скоростью, почти недающею времени на дальнѣйшія новыя разработки. Тайга, что называется, „одолѣваетъ" одинокаго засельщика, уничтожая вводимую имъ культуру... Этимъ,

повидимому, объясняются нерѣдкіе случаи возникновенія заселковъ на мѣстѣ оставленныхъ усадебъ, брошенныхъ или почти брошенныхъ селеній, хотя уходъ прежнихъ жителей съ даннаго мѣста, казалось бы, долженъ былъ вселить въ новоселахъ серіозное сомнѣніе въ его пригодности; но это, очевидно, далеко не всегда останавливало пришлецовъ отъ желанія воспользоваться трудами произведенной уже въ данномъ мѣстѣ разработки, такъ какъ послѣдняя несомнѣнно значительно облегчала первые ихъ шаги на мѣстѣ новаго поселенія. Напримѣръ, заселокъ Тюхтятъ Краг. вол. заселенъ, несмотря на недавнее образованіе, уже второю серіею переселенцевъ—первымъ не пожилось и они переселились на новыя мѣста, потому что „климатъ дурной, земли плохія и поля сильно зарастаютъ травами", и вотъ на мѣстѣ ихъ прежняго жительства живутъ уже новые пришлецы. С. Александровское, Уринской волости Канскаго округа, образовалось на мѣстѣ бывшей здѣсь прежде заимки Кочергиной, откуда въ то время уже ушли всѣ жители; оно -между прочимъ сказать—называлось и раньше с. Кочергинымъ, пока по предложенію земскаго засѣдателя, въ 1881 г. не переименовано въ Александровское. Дер. Мерзлая Солба, Абак. вол. Мин. округа, основана въ 1856 г. заселенцами, пришедшими изъ Пермской губерніи. Тамъ была глухая тайга въ гористой мѣстности, примыкающей къ отрогамъ Саянскаго хребта; еще и теперь дрова рубятъ тамъ подъ самой деревней. Хлѣбъ постоянно били морозы, заселенцы не выдержали и разбрелись на житье по другимъ селамъ, къ 1863 г. остался только одинъ дворъ. Несмотря на это, съ 1863 г. Мерзлую Салбею посѣтило семь переселенческихъ партій, изъ которыхъ въ концѣ концовъ поселилось здѣсь 10 дворовъ: изъ всѣхъ ихъ теперь осталось на мѣстѣ только четыре. Впрочемъ, отчасти такія кратковременныя и неудачныя переселенія зависятъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ еще и отъ того, что селенія эти въ извѣстный періодъ переселенческаго движенія оказываются какъ разъ на пути главнаго теченія переселенческаго потока.

Новоселы, какъ сказано, поселялись не только по одиночкѣ, но и цѣлыми партіями. Они или приселялись къ уже существовавшимъ поселкамъ, или, облюбовавъ подходящее для новой осѣдлости мѣсто, основывали на немъ новую деревню и распространяли культуру въ дикихъ степяхъ и глухихъ тайгахъ отдаленнаго сурового края.

Схему этого завладѣнія свободными нетронутыми землями края можно, на основаніи собранныхъ данныхъ, изобразить въ краткихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ. Облюбовавъ извѣстный участокъ, такъ или иначе—путемъ ли свободнаго захвата „ничьей" земли, или же путемъ насилія и вытѣсненія съ нея какого нибудь трусливаго инородца, прежняго ея владѣльца,—пришлецъ строился на новой землѣ и начиналъ ее культивировать. Онъ шелъ въ окружающій „пустопорожній", т. е. некультивированный, дикій и никому лично не принадлежащій лѣсъ и подыскивалъ мѣсто поровнѣе, съ подходящей почвой и по возможности поросшее не слишкомъ крупными деревьями. Если лѣсъ былъ молокъ, онъ тотчасъ приступалъ къ рубкѣ, чистилъ мѣсто подъ пашню (или подъ покосъ, смотря по свойствамъ даннаго мѣста); на участкахъ, гдѣ лѣсъ былъ слишкомъ крупенъ и срубить его скоро было не подъ силу, онъ зачерчивалъ деревья топоромъ кольцеобразно, обчищая съ нихъ кору кольцомъ на извѣстномъ пространствѣ, чтобы прекратить движеніе соковъ и затѣмъ предоставлялъ подчищенному лѣсу сохнуть: затѣмъ въ свое время его срубалъ и тогда землю распахивалъ, а при случаѣ и возможности и выкорчевывалъ. Если захваченной на первыхъ порахъ подъ покосъ и распашку земли было мало, онъ постепенно тѣмъ же путемъ расширялъ свои владѣнія во всѣ стороны, гдѣ находилъ удобныя, на его взглядъ, мѣста. Другой такой же пришлецъ, какъ и онъ, можетъ быть даже ему совсѣмъ незнакомый, случайно натыкался на этотъ оазисъ удобныхъ къ культурѣ земель и селился по близости, захватывая себѣ земли, никѣмъ незанятой, что казалось ему пужнымъ и удобнѣе, безъ всякаго стѣсненія для перваго, благодаря существовавшему простору: „паши и руби сколько хочешь—на всѣхъ хватитъ": „мѣсто ничье, Божее а Божій даръ—для всѣхъ безъ различія"... Рано или поздно къ нимъ тѣмъ же путемъ присоединялись третій, четвертый и т. д. Иногда облюбованный уголокъ захватывался не одной, а сразу нѣсколькими десятками ихъ, пришедшими вмѣстѣ, или одновременно. Къ нимъ постепенно присоединялись новыя, и ничтожный на первыхъ порахъ поселокъ обращался въ порядочную деревню, а захватъ удобныхъ подъ культуру земель тѣмъ временемъ все разростался въ ширь и глубь окружающихъ лѣсовъ. Пока лѣсъ стоитъ нетронутый—его можетъ подчищать и зачерчивать всякій; разъ онъ на извѣстномъ пространствѣ порубленъ или зачерченъ—его дру-

тому уже трогать нельзя: онъ принадлежитъ тому, кто это сдѣлалъ, кто нашелъ этотъ подходящій для распашки участокъ и началъ подготовлять его подъ культуру. Доставшійся засельщику такимъ образомъ участокъ, хотя онъ еще не засѣянъ, не распаханъ, принадлежитъ уже, съ точки зрѣнія засельщиковъ, только одному ему, главнымъ образомъ, по праву перваго захвата и праву употребленнаго имъ на него труда. Такова картина захвата, по скольку можно о ней судить по сохранившимся преданіямъ, по разсказамъ стариковъ, по существующимъ или недавно существовавшимъ фактамъ образованія различныхъ заселковъ, выселковъ и заимокъ и наконецъ по аналогіи съ формами захвата, практикуемыми нынѣ.

Многія селенія въ самыхъ названіяхъ своихъ носятъ исторію своего происхожденія. Д. Голопуповка Уринской волости зовется еще по старой памяти, заимкой Амонашевской, потому что она произошла изъ этой заимки. Селенія Большое и Малое Нахвальское (Нахв. вол.). Уринское и м. Уринское (Урин. вол.), Большое и Малое Лопатино (Балахт. вол.), Тесь и Малая Тесь (Нов. вол.), Старо-и Ново-Свиньина (Абан. вол.) называются такъ потому, что послѣднія происходили изъ первыхъ, отдѣляясь или въ видѣ выселковъ, или въ видѣ заимокъ; такимъ же образомъ путемъ отселенія изъ Хандала Тасѣевской волости образовался 150 лѣтъ назадъ соименный ему Хандаль Шелаевской волости и т. п.

Много селеній названо по имени ихъ первыхъ засельщиковъ. Основавшееся болѣе 150 лѣтъ назадъ Корелино Новос. вол. названо такъ по имени пришедшихъ сюда съ Сѣвера изъ Енисейской губерн. крестьянъ Корелиныхъ; с. Шушенское, Шарып. вол. Ачинскаго окр., названо такъ по имени Шушенскаго улуса, стоявшаго прежде на ея мѣстѣ, основателемъ котораго былъ татаринъ Шушпачевъ; заселокъ Дятлово или Дѣтлово Тес. вол. названъ такъ отъ имени разбойника, бывшаго въ каторгѣ и здѣсь затѣмъ осѣвшаго, такъ какъ разбойникъ этотъ имѣлъ прозвище Дятла; д. Якушева, Назар. вол. Ачин. округа, основанная крещенымъ татариномъ Яковомъ Ефремовымъ, котораго жена по непривычкѣ къ русскому языку звала Якишемъ, названа по этому прозвищу перваго основателя: переселенецъ Ульяновъ основалъ д. Ульянову Ирбейск. вол.; Жгутовъ—Жгутову Нас. вол.: Свищевъ—нынѣшнее с. Свищево Вознесен. вол.; Коркины—с. Коркино Част. вол.; Степаново Тас. волости, засельщика котораго звали Сте-

паномъ и т. д., такъ что, собственно говоря, наибольшее число названій, происхожденіе коихъ удалось узнать при изслѣдованіи, относится именно къ фамиліямъ или именамъ ихъ основателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надо отмѣтить кстати, что есть названія селеній еще и по мѣстности, въ которыхъ они основались, или изъ которой пришли: напримѣръ, заселокъ Чердаковскій Тес. вол. зовется такъ по имени основателей его жителей Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи: Байкалово—потому что заселено людьми, пришедшими отъ озера Байкала и т. д.; с. Ужуръ Ачинск. окр. названо такъ потому, что вокругъ его имѣются солонцы (слово Ужуръ есть искаженное татарское кожуръ, и значитъ по русски, солонецъ); лежащее въ сырой холодной мѣстности с. Сокса Ачинск. округа названо такъ отъ татарскаго слова «сохъ» —холодъ, морозъ; по татарски «голь» значитъ озеро, отсюда названіе с. Косоголь, находящагося при Бѣломъ озерѣ, что въ предѣлахъ Шарот. вол. Между прочимъ, село Погорѣльское Краси. округа зовется такъ потому, что основано выходцами изъ Енисейскаго округа, погорѣвшими въ своемъ старомъ селеніи; Подсопочное Сухобузимской вол. зовется такъ потому, что основалось вблизи трехъ сопокъ; Атинская заимка Уринск. вол. получила названіе по рѣчкѣ и т. п., наконецъ—по преданію—с. Тигрицкое Сагайск. вол. получило будтобы названіе отъ тигра, который бродилъ и былъ убитъ первыми засельщиками въ этихъ мѣстахъ въ то время, когда они сюда явились.

Какъ и теперь, вольные переселенцы изъ Европейской Россіи приходили сюда въ прошлыя времена большею частію безъ предварительной посылки ходоковъ на развѣдки, т. е. прямо переселялись семьями съ тѣмъ, чтобы уже по приходѣ въ Сибирь заняться розысками подходящаго для поселенія мѣста и тотчасъ же на немъ и обосноваться. Нѣкоторымъ удавалось пристроиться сразу, другіе по долгу бродили изъ села въ село, пока не осѣли окончательно. То было время фактическаго—въ буквальномъ смыслѣ этого слова броженія населенія—передвиженія его съ мѣста на мѣсто -и такое время началось, повидимому, издавна, потому что о фактахъ такихъ передвиженій передаютъ весьма старыя преданія.

Броженіе это, какъ мнѣ извѣстно изъ личнаго изслѣдованія современнаго экономическаго положенія населенія, и донынѣ не улеглось еще окончательно, но изложеніе *современныхъ* условій заселенія Енисейской губерніи не входитъ въ задачу этого доклада.

Слѣды того броженія сохранились прежде всего въ воспоминаніяхъ объ *исчезнувшихъ* деревняхъ. Напримѣръ, с. Кохинское, Устьянской вол. Канскаго округа, которое насчитываетъ уже 6 поколѣній со дня основанія селенія, образовалось выселеніемъ изъ д. Багривки Тасѣевской волости, которой давно уже тамъ не существуетъ. Часть старшаго уже селенія Кекуръ, Нахвальской волости Красноярск. округа состоитъ изъ потомковъ переселившихся сюда жителей д. Шадриной, которая, въ свою очередь, уже не существуетъ. Въ Ужурской волости сохранились теперь воспоминанія только о томъ, что въ ней пришедшими изъ Европ. Россіи новоселами устраивалась въ свое время д. Ельничная.

Другимъ слѣдствіемъ такого передвиженія населенія является существованіе селеній съ перемѣннымъ, или точнѣе, перемѣнявшимся составомъ. Есть въ Сагайской волости Минус. округа с. Верхній Кужебаръ; оно считается основаннымъ въ 1853 г. переселенцами изъ Орловской губерніи, пришедшими сюда по вызову правительства и съ пособіемъ отъ него; между тѣмъ орловцы, въ немъ теперь живущіе, отлично знаютъ, что хотя они и пришли сюда на безлюдное мѣсто, но что за 3 года до ихъ прибытія, здѣсь былъ уже небольшой, бѣдный поселокъ, жители котораго существовали, главнымъ образомъ, заработками отъ золотопромышленности. Селеніе Куяты, Сагайской же волости, въ первый разъ заселилось въ 1858 г., но вслѣдствіе ряда неурожаевъ населеніе выселилось чрезъ 15 лѣтъ, а въ 1880 г. пришла сюда на пустовавшее мѣсто первая партія новыхъ переселенцевъ. Наслѣдствомъ отъ прежнихъ обывателей осталось много залежей, которыя тотчасъ же и принялись разрабатывать новые переселенцы. Свѣдѣнія о подобныхъ *полныхъ смѣнахъ* въ составѣ населенія отдѣльныхъ деревень или, вѣрнѣе говоря, о возникновеніи новыхъ деревень на развалинахъ старыхъ, имѣются только относительно селеній, возникавшихъ (вторично) въ послѣдніе 30—40 лѣтъ. Весьма вѣроятно, что такіе случаи были и въ болѣе давнее время потому что условія и причины передвиженія съ одной осѣдлости на другую были тогда приблизительно тѣ же, что и теперь, а преданія объ исчезнувшихъ селеніяхъ наводятъ на мысль, что на мѣстѣ нѣкоторыхъ изъ исчезавшихъ въ то время селеній могли возникать и новыя. Отсутствіе же объ этомъ свѣдѣній за болѣе давнее время можетъ быть объяснено, съ одной стороны, запамятованіемъ, утратой

Если засельщики дѣлали большіе концы, то и время, употреблявшееся ими на это кочеванье, тоже нерѣдко было довольно продолжительно. Напримѣръ, заселокъ Мигнушка, Тесинск. вол. Минус. округа, образовался годъ назадъ (я вездѣ счетъ веду отъ момента изслѣдованія, т. е. 1889—1890 гг.) переселенцами изъ Оренбургской губерніи, которые передъ поселеніемъ въ этомъ мѣстѣ жили тутъ же неподалеку, но не въ надлежащемъ мѣстѣ, почему и выселены были оттуда начальствомъ, а передъ этимъ—до 1872 года—жили въ другомъ округѣ, въ Балахт. волости Ачинск. округа, гдѣ прожили около 10 лѣтъ; такимъ образомъ, до поселенія въ Мигнушкѣ (по выходѣ изъ Евр. Россіи) прокочевали всего 27 лѣтъ, пока не осѣли окончательно. С. Вознесенское образовалось выселенцами изъ д. Кривинской (той же Шушинск. вол.): приселенные туда на казенный счетъ изъ Европейской Россіи въ 1859 г., они прожили въ Кривинѣ цѣлыхъ 7 лѣтъ и затѣмъ, вслѣдствіе засухъ и появленія въ изобиліи кобылки, переселились на пикѣмъ незанятое въ то время пространство, гдѣ теперь с. Вознесенское съ тяготѣющими къ нему пашнями и лугами. Изъ Тобольской губерніи въ 1845 или 46 году прибыло въ Минус. округъ нѣсколько семействъ сильныхъ изъ лютеранъ, жившихъ тамъ —въ Тобольской губерніи—въ нарочито для нихъ устроенной колоніи. До 1852 года, т. е. въ теченіе 5 - 6 лѣтъ, они жили сначала въ с. Кантыревскомъ, потомъ въ Дубенскомъ: правительство предложило имъ занять земли въ Новоселовской волости, но мѣстность тамъ не понравилась имъ, и они выбрали для своего жительства нынѣшнее селеніе или колонію В. Суэтукъ. Часть новоселовъ —двѣ семьи изъ Самарской губерніи,—пришедшихъ въ с. Ширштыкъ Сагайск. вол. въ 1851 г., передъ этимъ 7 лѣтъ жила въ Шунерскомъ (?), два года въ Бѣлыкѣ и 5 въ Каратузѣ, слѣдовательно осѣла только въ четвертомъ мѣстѣ и только черезъ 14 лѣтъ по прибытіи въ Енисейскую губернію.

Въ чемъ же однако заключались причины столь частыхъ уходовъ съ уже насиженныхъ мѣстъ, причины столь долгихъ иногда скитаній до окончательнаго поселенія въ какомъ нибудь мѣстѣ?

Изъ Курагъ Саг. волости часть еще не причислившихся къ обществу изъ недавно осѣвшихъ новоселовъ собирается уже уходить: задумала, какъ они говорятъ, «подавать на новый заселокъ»,—облюбовала удобное мѣсто по берегу рѣки Казыра и хлопочутъ объ осо-

кругъ селенія болото, постройки стоятъ на низменныхъ сырыхъ мѣстахъ; въ настоящее время въ селеніи всего 5 дворовъ. Д. Ермолаевская той же волости, моментъ заселенія которой мѣстные жители не могли опредѣлить за давностью времени, основана двумя пришедшими сюда братьями-козаками, по фамиліи Торгашины; въ настоящее время въ деревнѣ живутъ только крестьяне, пришедшіе послѣ этихъ козаковъ, такъ какъ козаки давно уже выселились отсюда. Изъ стародавняго селенія Бѣлоярскаго (той же вол.) лѣтъ 150 назадъ образовался на р. Чулымѣ выселокъ, куда отселилась часть крестьянъ селенія; лѣтъ 100 назадъ жители этого выселка захотѣли жить поближе къ лѣсу, переѣхали въ село Тужай, и отъ выселка теперь не осталось и слѣда: даже мѣсто, которое было подъ усадебными его постройками, смыто теперь водою. Старинное селеніе Абак. вол. Минус. округа Усть-Сыда, времени возникновенія котораго старожилы не помнятъ, образовалось преимущественно выселенцами изъ окрестныхъ деревень: слѣдовательно, населеніе послѣднихъ тоже не оставалось неподвижнымъ, а разселялось по сторонамъ.

Такимъ образомъ, въ измѣненіи состава населенія существовавшихъ въ каждое данное время деревень, въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, принимало участіе не только новопришедшее населеніе, но и населеніе, уже успѣвшее осибирячиться и старожильное. Достаточно сказать, что многія селенія Ужурской и Тарышевской волостей Ачинскаго округа образованы 80—150 лѣтъ назадъ выселенцами изъ старинныхъ деревень Назаровской, Балахтинской и Новоселовской волостей Ачинскаго и Минус. округовъ, а нѣкоторыя селенія Канскаго округа выселенцами изъ старожильныхъ селеній Енисейскаго округа. Такое явленіе, повидимому, главнѣйшимъ образомъ обусловливалось наступавшею отъ притока населенія тѣснотою, относительною конечно, которая для старожила, привыкшаго къ широкому простору «ничьихъ» вольныхъ земель, казалась стѣснительною и невыносимою уже тогда, когда новоселы, пришедшіе изъ малоземельныхъ мѣстностей Евр. Россіи, охотно осѣдали въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, довольные изобиліемъ свободныхъ земель въ окрестностяхъ.

Благодаря этому постоянному передвиженію населенія можно указать селенія, гдѣ, при наличности извѣстнаго болѣе или менѣе постояннаго состава жителей, обыкновенно имѣются еще жители временные, составъ коихъ довольно часто измѣняется. Не говоря

уже о поселеніяхъ, основанныхъ съ помощью казны, значительная часть коихъ должна быть отнесена именно къ этой категоріи, но исторія которыхъ составитъ предметъ особаго доклада, можно указать въ этомъ отношеніи на слѣдующія селенія. С. Каптырево, а также и Шиперское, Шушенской вол. Минус. округа, гдѣ то и дѣло останавливались и останавливаются переселенческія партіи, приходящія извнѣ, и, находя здѣшнія мѣста тѣсными и неудобными (плохая почва), разселяются по другимъ деревнямъ, такъ что собственно въ Каптыревѣ окончательно осѣдаютъ лишь одиночки. Ту же роль, какъ мы уже видѣли, играетъ Мерзлая Салбея. Къ этому же разряду селеній можно причислить и Ширишпыкъ, Саг. вол. Минус. округа, основанный въ 1852 году: начиная съ этого года и до 1865 г. въ него приходило въ разное время и изъ разныхъ мѣстъ не менѣе 5 партій переселенцевъ-крестьянъ Европейской Россіи, изъ коихъ часть уже по нѣсколько лѣтъ проживала въ разныхъ деревняхъ Сибири; послѣ 1865 года постепенно началось выселеніе жителей, въ числѣ которыхъ стали уходить даже и первые засельщики деревни (толчкомъ послужилъ неурожай, — мѣсто сырое, болотистое, «подтаежное»).

Какъ велико было это броженіе, можно отчасти судить потому, сколь по долгу не осѣдали окончательно приходившіе въ Сибирь или вообще срывавшіеся съ мѣста засельщики и сколь далеко ходили они за поисками того, «гдѣ лучше».

Изъ заселеннаго съ пособіемъ отъ казны В. Кужебара, Сагайск. вол. Минус. округа, куда въ 1853 году пришло изъ Орловской губерніи 800 душъ обоего пола, 50 душъ вскорѣ же ушло на Амуръ, уже на собственный счетъ; туда же въ 1853 году ушло 11 семей изъ засельщиковъ первыхъ двухъ партій, пришедшихъ въ село Уджей Сагайск. вол., съ пособіемъ отъ казны. Изъ поселившихся въ с. Екатерининскомъ, Идринской волости, съ помощью правительства, переселенцевъ изъ Евр. Россіи, въ 1864 г. ушло на Амуръ семей 20, изъ нихъ возвратилось опять сюда же въ разное время семей 10, и въ томъ числѣ нѣкоторые уже лѣтъ 20 назадъ. Въ Абак. вол. Минус. округа существуетъ старинное селеніе Байкалово, основанное еще прадѣдами нынѣшнихъ жителей. Байкаловымъ оно зовется, какъ выше было указано, потому что заселено пришлецами изъ-за Байкала, т. е. людьми пришедшими почти за полторы тысячи верстъ съ дальняго востока. Трудно предположить, что-бы это были аборигены Забайкаль-

скаго края: старожилы-сибиряки, зная свои мѣста, всегда съумѣютъ устроиться гдѣ нибудь все таки сравнительно ближе къ прежнему своему мѣстожительству и во всякомъ случаѣ не устремятся туда, гдѣ населеніе гуще и откуда, наоборотъ, *къ нимъ же* приходятъ; поэтому вѣроятнѣе всего, что то были тоже переселенцы изъ Евр. Россіи, въ свое время проходившіе уже — по направленію къ Байкалу — чрезъ предѣлы Енисейской губерніи и, неудовлетворившись житьемъ въ Забайкальѣ, рѣшившіе поискать счастья на обратномъ пути на западъ. М. Имышъ. Ужурской вол. Ачин. округа, лѣтъ тому свыше 100 назадъ, заселился выселенцами съ сѣвера изъ с. Песчанки Красноярск. округа, которые для этого должны были пройти свыше 150 верстъ; для поселенія бывшихъ крестьянъ Погорѣльской волости Красноярскаго округа въ 1885 г. въ с. Сергѣево-Мигинскомъ, Идр. вол. Минус. округа, послѣдніе должны были сдѣлать на югъ около 500 верстъ, а жители Енисейскаго округа, основавшіе 100—150 лѣтъ назадъ селенія Тесь и Кочергинъ, Тес. вол. Минус. округа, должны были пройти съ сѣвера на югъ верстъ около 600, если не больше. Въ той же Тесинской волости есть село Кавказское, называемое такъ потому, что первые засельщики его пришли съ Кавказа, но только это были не жители Кавказа, а крестьяне-малороссы изъ Курской губерніи. Были ли они коренными обитателями Курской губерніи, или и въ нее пришли еще откуда нибудь, неизвѣстно; извѣстно только, что изъ Курской губерніи они пробрались на Кавказъ, тамъ имъ не пожилось и они съ Кавказа, пройдя чрезъ Западную Сибирь и губернію Енисейскую, пробрались въ губернію Иркутскую, а оттуда уже воротились обратно и проникли въ южную часть самаго южнаго и отдаленнаго отъ обычнаго пути слѣдованія переселенцевъ Минусинскаго округа. По имени основателей-малороссовъ, село это извѣстно подъ двумя названіями: Хохлы, Кавказское тожъ. Поселились они здѣсь въ 1800 г. Продолжительныя ихъ скитанія связываются теперь съ особой легендой, сложившейся о нихъ у населенія данной мѣстности: будто въ то время китайскій царь высваталъ русскую царевну и съ ней потребовалъ русскихъ людей, или можетъ быть царевну эту въ китайскіе предѣлы сопровождала чрезъ Сибирь русская стража. Дорогой царевна умерла, вслѣдствіе чего бывшихъ съ ней людей воротили отъ Иркутска и поселили на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь с. Кавказское.

Если засельщики дѣлали большіе концы, то и время, употреблявшееся ими на это кочеванье, тоже нерѣдко было довольно продолжительно. Напримѣръ, заселокъ Мигнушка, Тесинск. вол. Минус. округа, образовался годъ назадъ (я вездѣ счетъ веду отъ момента изслѣдованія, т. е. 1889—1890 гг.) переселенцами изъ Оренбургской губерніи, которые передъ поселеніемъ въ этомъ мѣстѣ жили тутъ же неподалеку, но не въ надлежащемъ мѣстѣ, почему и выселены были оттуда начальствомъ, а передъ этимъ—до 1872 года—жили въ другомъ округѣ, въ Балахт. волости Ачинск. округа, гдѣ прожили около 10 лѣтъ; такимъ образомъ, до поселенія въ Мигнушкѣ (по выходѣ изъ Евр. Россіи) прокочевали всего 27 лѣтъ, пока не осѣли окончательно. С. Вознесенское образовалось выселенцами изъ д. Кривинской (той же Шушинск. вол.); приселенные туда на казенный счетъ изъ Европейской Россіи въ 1859 г., они прожили въ Кривинѣ цѣлыхъ 7 лѣтъ и затѣмъ, вслѣдствіе засухъ и появленія въ изобиліи кобылки, переселились на никѣмъ незанятое въ то время пространство, гдѣ теперь с. Вознесенское съ тяготѣющими къ нему пашнями и лугами. Изъ Тобольской губерніи въ 1845 или 46 году прибыло въ Минус. округъ нѣсколько семействъ ссыльныхъ изъ лютеранъ, жившихъ тамъ —въ Тобольской губерніи—въ нарочито для нихъ устроенной колоніи. До 1852 года, т. е. въ теченіе 5—6 лѣтъ, они жили сначала въ с. Кантыревскомъ, потомъ въ Дубенскомъ; правительство предложило имъ занять земли въ Новоселовской волости, но мѣстность тамъ не понравилась имъ, и они выбрали для своего жительства нынѣшнее селеніе или колонію В. Суэтукъ. Часть новоселовъ—двѣ семьи изъ Самарской губерніи,—пришедшихъ въ с. Ширинтыкъ Сагайск. вол. въ 1851 г., передъ этимъ 7 лѣтъ жила въ Шушерскомъ (?), два года въ Бѣлыкѣ и 5 въ Каратузѣ, слѣдовательно осѣла только въ четвертомъ мѣстѣ и только черезъ 14 лѣтъ по прибытіи въ Енисейскую губернію.

Въ чемъ же однако заключались причины столь частыхъ уходовъ съ уже насиженныхъ мѣстъ, причины столь долгихъ иногда скитаній до окончательнаго поселенія въ какомъ нибудь мѣстѣ?

Изъ Курать Саг. волости часть еще не причислившихся къ обществу изъ недавно осѣвшихъ новоселовъ собирается уже уходить: задумала, какъ они говорятъ, «подавать на новый заселокъ»,—облюбовала удобное мѣсто по берегу рѣки Казыра и хлопочутъ объ осо-

бомъ надѣлѣ. Хотя въ Курятахъ тоже хватило бы земли на ихъ долю, но Курятцы наложили на нихъ особый въ пользу общества оброкъ, какъ на еще не принадлежащихъ къ числу членовъ общества. Оброкъ этотъ и показался тяжелъ новопришедшимъ, а тамъ—на новомъ мѣстѣ—они будутъ сами себѣ хозяева (хотя, можетъ быть, въ концѣ концовъ придется платить разныхъ «оброковъ» больше, чѣмъ теперь). Изъ этихъ же Курятъ были выселенія и раньше: лѣтъ 15 назадъ случился рядъ неурожаевъ, благодаря которымъ многіе ничего не собрали со своихъ полей: это заставило выселиться всѣхъ первыхъ засельщиковъ—старовѣровъ, осѣвшихъ здѣсь, несмотря на дурную молву о нехлѣбородности земель, съ цѣлью избавиться отъ притока засельщиковъ извнѣ. Только чрезъ 10 лѣтъ съ чѣмъ-то это мѣсто заселилось снова. Изъ Маизалыка Ермаковской волости тоже многіе собираются теперь выселяться: «первое время по поселеніи урожаи были хороши (то было въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія), а теперь уменьшились почти втрое». С. Ширинтыкъ Сагайск. вол. заселилось въ 1852 году четырьмя крестьянами Оренбургской губерніи, тронувшимися съ родины, не имѣвшими понятія о томъ, гдѣ имъ слѣдуетъ поселиться, и розыскавшими себѣ мѣсто для поселенія по указанію мѣстнаго исправника. Лѣтъ 25 назадъ, селеніе это имѣло около 150 хозяйствъ, накопившихся здѣсь въ сравнительно короткое время, благодаря ряду неурожаевъ, постигшихъ въ то время степныя районы Минус. и Ачин. округовъ; но затѣмъ обосновавшіеся было засельщики сами стали уходить и разселяться по другимъ селеніямъ, благодаря тому, что и здѣсь начались неурожаи, вслѣдствіе сырости подтаежныхъ мѣстностей. Усть-Карасыръ Абак. вол. образовался выселенцами изъ разныхъ деревень Новоселов. волости, ушедшими оттуда отъ засухъ и кобылки. Въ 1862 г. изъ Оханскаго уѣзда Пермской губерніи вышло 9 семей крестьянъ и поселились въ извѣстной уже читателямъ Мерзлой Салбѣ, но тамъ имъ не пожилось вслѣдствіе плохихъ урожаевъ и, пробывъ въ Салбѣ лѣтъ 5, они разбрелись въ разныя стороны, при чемъ часть ихъ поселилась въ Качулькѣ Сагайск. вол. Поселившіеся въ той же Качулькѣ 4 семьи куряковъ, вышедшихъ изъ Старооскольскаго уѣзда въ 1886 г., сначала пришли въ Тесинскую волость, но тамъ имъ «не понравилось», и онѣ осѣлись въ Качулькѣ. Заимки по Кунугусу, Ирбейской волости Канскаго окр., постепенно все болѣе и болѣе заселяются, потому что новоселовъ привлекаютъ сюда удобныя для па-

шенъ земли. близость лѣса. возможность звѣроловства въ тайгѣ и рыболовства по р. Кунгусу. Первыхъ же засельщиковъ—изъ дер. Юдиной и Ирбея—привлекло сюда то, что тамъ на старыхъ мѣстахъ жить было безпокойно: то лошадей уведутъ конокрады, то хлѣбъ воровски обмолотятъ у крестьянъ: «такой ужь тамъ народъ плохой». С. Пермяково, Еловской волости Красноярскаго округа, было заселено съ помощью правительства выселенцами изъ Пермской губерніи (выдавалось пособіе по 10 руб. на семейство, кормовыя на каждую душу по 10 коп.), и все бы было хорошо, да кобылка стала много хлѣба ѣсть, а мошка сильно обижала людей и скотъ (а народъ къ ней былъ непривыченъ),—потому и стали разъѣзжаться. Нынѣ въ д. Кыжаръ переѣзжаютъ дербинскіе крестьяне, той же Балахтинской волости Ачинск. округа, потому что здѣсь легче подати и повинности, чѣмъ въ ихъ старомъ обществѣ. Крестьяне Казач. вол. Енисейскаго округа изъ разныхъ деревень образовали лѣтъ 200 тому назадъ село Подсопочное въ Сухобуз. вол. Красноярскаго округа, уйдя изъ своихъ деревень отъ иней и частыхъ заморозковъ, вліявшихъ на урожаи въ той мѣстности. С. Малый Балчугъ той же волости образовалось въ старинныя времена изъ Б. Балчуга, благодаря наступившимъ тамъ неурожаямъ. Основавшіе с. Желому Ермак. вол. старообрядцы Вятской губерніи ушли изъ Желомы, всѣ разомъ, черезъ 15 лѣтъ по поселеніи, тотчасъ почти послѣ того, какъ сюда пришли другіе крестьяне—изъ православныхъ (?). Усть-Копское Сагайск. вол. заселилось двумя партіями переселенцевъ изъ Европ. Россіи: изъ первой партіи часть семей ушла лѣтъ 17 назадъ въ Бійскій округъ Томской губерніи, потому что «здѣсь не понравилось». Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь с. Сергіево-Мигинское, Идрин. волости, поселились въ 1865 г. на пустомъ, никѣмъ еще незанятомъ мѣстѣ, около 10 дворовъ выходцевъ изъ Оренбургской губерніи, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Имъ дана была отъ правительства десятилѣтняя льгота въ податяхъ. Проживъ здѣсь 20 лѣтъ и запустивъ во второе десятилѣтіе большую недоимку, они перечислились въ мѣщанское сословіе, чтобы меньше платить. Около 1870 г. приселился сюда одинъ крестьянинъ Оренбургской же губерніи со своимъ вотчимомъ, выѣхавшій съ родины въ 50-хъ годахъ и прожившій 14 лѣтъ въ с. Отрокѣ той же Идр. вол.; здѣсь онъ засталъ 8 дворовъ названныхъ оренбурцевъ, уже перечислившихся въ мѣщане. Затѣмъ пришли сюда же нѣсколько Вят-

скихъ переселенцевъ и нѣсколько семей сибиряковъ изъ смежной Новоселовской волости того же Минус. округа, изъ Балахтинской волости Ачинскаго округа, и Погорѣльской волости Красноярскаго округа. Всѣ эти новые засельщики ушли изъ своихъ деревень отъ неурожаевъ, надежей, вслѣдствіе умеиьшенія тамъ лѣсовъ и частію отъ наводненій. Съ приходомъ этихъ новыхъ засельщиковъ, возбудившихъ ходатайство о закрѣпленіи земли за ними, мѣстная администрація потребовала удаленія мѣщанъ—первыхъ основателей заселка, и тѣ, несмотря на приглашеніе новоселовъ остаться съ ними, вновь переведясь въ крестьяне, отселились верстъ за 15 въ Тесинскую волость, гдѣ и заоброчили-было у казаковъ земли, но оттуда ихъ выжили Иныпинскіе крестьяне, и они опять куда-то перекочевали. Изъ основанпаго болѣе 200 лѣтъ тому назадъ с. Анашинскаго Новоселовской волости выселяться начали только въ послѣднее время, потому что тѣсно стало мѣсто, пригодное для обращенія подъ усадьбы, да и пашни пришлось распахивать большинству слишкомъ далеко отъ селенія. С. Больше-Сютинское существуетъ свыше 80 лѣтъ: старики, выбравпіе здѣсь мѣсто для поселенія, были выселепцами изъ окрестныхъ деревень. Съ 1868 г. начались отсюда выселенія вслѣдствіе неурожаевъ и тѣсноты; изъ 52 плательщиковъ душъ, поселившихся при основаніи селенія, теперь осталось только 23, и выселенія продолжаются—и т. д., и т. д.

Я указалъ по возможности разнообразные случаи выселеній на новыя мѣста, связанныхъ съ бросаніемъ не только собственныхъ усадебъ, но и пашенъ и покосовъ. Но кромѣ этого можно было бы еще указать цѣлый рядъ случаевъ перемѣны усадебныхъ мѣстъ, не связанныхъ съ бросаніемъ прочихъ сельско-хозяйственныхъ угодій. Перемѣны эти въ большинствѣ случаевъ обусловливались неудачею въ выборѣ перваго мѣста для усадебъ, неудобствами мѣстоположенія селеній. Такъ, с. Куртакъ Новоселовской волости основалось на берегу одного изъ протоковъ р. Енисея, но тамъ его стало подмывать водою, вслѣдствіе чего все селеніе постепенно переселилось на новое мѣсто—на версту выше прежняго. С. Тушно основано было на островѣ р. Енисея, усадьбы его тоже стало подмывать водою, и лѣтъ 60 назадъ крестьяне начали переселяться на правый берегъ рѣки за три версты отъ прежняго селенія: съ тѣхъ поръ утратилось и самое названіе стараго селенія, такъ какъ новое стало называться Береж-

ковскимъ. С. Пойлово Кураг. волости въ настоящее время стоитъ уже на четвертомъ мѣстѣ: все неудобныя мѣста подъ селенія выбирали,— въ одномъ мѣстѣ топитъ, въ другомъ берегъ обрываетъ... и т. д.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ примѣровъ, относящихся къ селеніямъ различныхъ періодовъ возникновенія, къ фактамъ передвиженія, совершавшимся и въ послѣдніе годы и въ началѣ нынѣшняго столѣтія и въ еще болѣе отдаленное время, видно, что броженіе населенія въ предѣлахъ подлежащаго изслѣдованію края не составляетъ принадлежности одного только нынѣшняго времени, что оно было и въ прошлыя времена и, повидимому, совершалось даже въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ теперь. Несомнѣнно также, что засельщики иногда подолгу бродили по краю, прежде чѣмъ обосновывались окончательно, и причины этого броженія были не всегда одинаковы. Нерѣдко это зависѣло отъ неудачнаго выбора мѣста; избранный участокъ на первыхъ же порахъ не оправдывалъ надеждъ, возлагавшихся на него при поселеніи, иногда виною тому было наступившее послѣ поселенія измѣненіе мѣстныхъ условій, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ можно было предусмотрѣть и предвидѣть, каковы напримѣръ, заливаніе мѣстности водою, излишняя сырость, вліявшая на пониженіе урожаевъ и т. п., и которыя въ другихъ случаяхъ для новоселовъ предвидѣть было невозможно или трудно, напр., появленіе засухъ, появленіе кобылки, сильное паденіе урожайности вслѣдствіе быстраго истощенія почвы и т. п. Что засельщики при выборѣ мѣста нерѣдко дѣйствовали опрометчиво, осѣдая иногда чуть не на первое попавшееся мѣсто, это видно уже по нѣкоторымъ изъ числа вышеприведенныхъ фактовъ. Весьма часто въ подобныхъ случаяхъ они руководствовались такими, такъ сказать, односторонними соображеніями, что можно было только удивляться, какъ они, прійдя въ совершенно новыя для нихъ условія, теряли на первыхъ порахъ способность ориентироваться, теряли всю свою нажитую вѣками хозяйственно-земледѣльческую сноровку и захватывали не то, что слѣдуетъ. Главный мотивъ, напр., основанія селенія Бѣлоярскаго, Балахт. вол., заключался у первыхъ его засельщиковъ въ томъ, что «къ лѣсу поближе»; въ Курагинской волости я могу насчитать, по крайней мѣрѣ, пять большихъ, основавшихся тамъ съ помощью казны, селеній, засельщики которыхъ сами выбрали тамъ себѣ мѣста для поселенія въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, главнымъ образомъ руководствуясь изо-

билемъ лѣса, а теперь жалуются, что земли изъ-подъ лѣса вышли плоховаты. Недавно образовавшаяся въ той же волости д. Курская повторила ихъ опытъ въ наихудшемъ видѣ: забрались сюда Курскіе крестьяне въ поискахъ за удобными землями и, какъ увидѣли глухую тайгу, такъ и ахнули. Больше и идти никуда не захотѣли—сразу рѣшили, что тутъ они будутъ «настоящіе жители»: «и построиться и отопиться, а въ случаѣ и продать (хотя продавать отсюда совершенно некуда)—на все лѣсу хватитъ, да еще и останется сколько хочешь»! «Лѣсу, вишь, мы у себя на родинѣ *выточки* не видывали—вотъ и позарились»—объясняютъ они теперь. Такъ они и осѣли въ горахъ и оврагахъ, на неплодородной глинистой почвѣ, быстро, послѣ распашки, смываемой дождями. Живутъ не то въ шалашахъ, не то въ избушкахъ, бѣдно, какъ хуже не надо,—бѣднѣе, чѣмъ у себя на родинѣ; даже избы несчастныя и съ земляными полами, а вокругъ ихъ лѣсное раздолье—«собственный лѣсъ»—на десятки верстъ, и они съ перваго же года клянутъ свое рѣшеніе, однако выбраться отсюда не въ силахъ, а за лѣсъ все-таки держутся крѣпко: какъ собаки на сѣнѣ,—ни сами не рубятъ, ни другимъ не даютъ, хотя лѣсъ ихъ примыкаетъ къ глухой тайгѣ, идущей на сотни верстъ, гдѣ всякій «руби, сколько хочешь». С. Свищово, какъ я говорилъ, начало заселяться только потому, что «*для охоты* мѣсто хорошее», такъ же какъ и заимка Вендерская. Тургужанка, Унурской вол., основалась потому, что первымъ засельщикамъ сильно понравились обширныя степи кругомъ, на которыхъ ожидалось большое приволье скоту. Первые засельщики с. Жербатихи, Кураг. вол., осѣли здѣсь зимой, «а кабы лѣтомъ—говорятъ они—многіе здѣсь не поселились бы»; но осѣвъ, тутъ впрочемъ и остались, предпочтя это новому переселенію. Понадѣялись на то, что мѣсто просторное.

Не мудрено, что такія увлеченія односторонними соображеніями приводили къ неудачамъ, побуждавшимъ къ переходу на новыя мѣста. Это было несомнѣнно одною изъ причинъ кочеванія населенія. Другая причина заключалась, какъ выше сказано, въ измѣненіи тѣхъ условій, при которыхъ происходило поселеніе на данномъ мѣстѣ. Измѣненія могли быть—какъ мы видѣли, они часто и бывали—настолько серьезны, что при желаніи жить безбѣдно и даже зажиточно, приходилось подыскивать новыя мѣста для поселенія.

Были еще и другія причины кочеванія. Въ приведенныхъ при-

мѣрахъ одна изъ этихъ причинъ рельефно выразилась въ словахъ «не понравилось». Казалось бы, показаніе о существованіи такого мотива передвиженія не заслуживаетъ особаго довѣрія, такъ какъ трудно ожидать отъ людей, хлопочущихъ объ устройствѣ благосостоянія и хозяйства, чтобы они руководствовались подобнымъ соображеніемъ. Но наличность его несомнѣнна, потому что о ней въ нѣкоторыхъ случаяхъ заявляютъ не потомки только руководствовавшихся такимъ мотивомъ засельниковъ, но самолично тѣ самые засельщики, которымъ «не нравится», или «не понравилось». Хотя обыкновенно въ этихъ случаяхъ подъ даннымъ выраженіемъ и подразумѣвается совокупность довольно серіозныхъ хозяйственно-практическихъ соображеній о недостаточной пригодности даннаго мѣста, но въ то же время несомнѣнно, что оно констатируетъ и присутствіе у засельниковъ нѣкоторой доли претенціозности, нѣкоторой излишней требовательности по отношенію къ избираемымъ мѣстамъ. Но сколько ни кажется неумѣстной подобная требовательность въ привыкшемъ ко всему выносливомъ русскомъ мужикѣ, однако въ данномъ случаѣ она представляется вполнѣ объяснимой.

Перекочевывавшій съ мѣста на мѣсто сибирякъ, какъ само собою понятно, имѣлъ уже право предъявлять къ отыскиваемымъ мѣстамъ повышенныя требованія, потому что уже привыкъ къ вольному простору и уходилъ изъ боязни появленія стѣсненій этого простора на старомъ мѣстѣ. Уходъ же въ неизвѣстную Сибирь изъ Европейской Россіи, какъ теперь, такъ и раньше насколько это видно и по собраннымъ даннымъ—всегда сопровождается преувеличенными соображеніями и надеждами на особенно благопріятныя тамъ условія жизни. Приходящему съ такими радужными надеждами мужику, заранѣе увѣренному и въ плодородіи почвы и въ обиліи прочихъ благъ земныхъ, прежде всего не трудно ошибиться въ выборѣ мѣста, такъ какъ увѣренность, что все тутъ дается само собою, все имѣется на лицо, въ извѣстной мѣрѣ устраняетъ для него необходимость болѣе тщательнаго изслѣдованія. Надо прибавить еще къ этому незнакомство съ мѣстной природой и климатомъ, незнаніе мѣстныхъ условій. Съ другой стороны, эти же надежды дѣлаютъ его и болѣе требовательнымъ, чѣмъ бы слѣдовало. Небольшія неудачи, нѣкоторое несоотвѣтствіе новыхъ условій предъявляемымъ требованіямъ уже побуждаютъ его подумывать о новыхъ поискахъ новыхъ мѣстъ по-

селенія. Для такихъ повторительныхъ поисковъ достаточно, впрочемъ, и того, что мужикъ ликвидировалъ свое хозяйство на родинѣ, оставилъ родное пепелище и претерпѣлъ тяжелыя невзгоды длиннаго пути въ надеждѣ дѣйствительно улучшить свое благосостояніе, почему, подыскивая мѣсто, и желаетъ поселиться именно тамъ, гдѣ *дѣйствительно лучше*, а не останавливаться тамъ, гдѣ хотя и получше, но лишь немногимъ. Съ одной стороны, послѣ оставленія родины, никакое уже мѣсто не можетъ его привлекать чѣмъ-либо въ особенности, если только не содержитъ условій, достаточно благопріятныхъ для его жизни. Слѣдовательно, для него ничего уже не значитъ сняться съ одного мѣста и перейти на другое, особенно если онъ знаетъ, что *тамъ* лучше, и если опытъ перваго, или первыхъ, переселеній убѣдилъ уже его, что въ Сибири переселиться и обстроиться на новомъ мѣстѣ не такъ ужъ все-таки трудно, какъ казалось съ перваго взгляда. Невзгоды и хлопоты повторнаго переселенія оправдываются конечною его цѣлью — желаніемъ во что бы то ни стало устроиться наилучшимъ образомъ, именно такъ, какъ это для многихъ уже оказалось возможнымъ при сибирскомъ просторѣ и естественномъ плодородіи еще нетронутыхъ сохою почвъ.

Весьма вѣроятно также, что въ результатѣ всего этого въ навѣстной части населенія вырабатывается и нѣкоторая привычка, склонность къ передвиженію: человѣкъ, сдѣлавшій большіе пути, перемѣнившій нѣсколько осѣдлостей, видавшій временами и лучшія условія жизни, уже не боится передвиженія и даже пріобрѣтаетъ нѣкоторое убѣжденіе, что нерѣдко удачнымъ умѣлымъ переселеніемъ можно улучшить свое положеніе.

Надо замѣтить также, что значительное число случаевъ переселеній на новую осѣдлость, вызванныхъ неудачею перваго переселенія, объясняется и самымъ способомъ пріисканія новыхъ мѣстъ, употреблявшимся и употребляемымъ новоселами, приходившими изъ Европейской Россіи. Далеко не всѣ они посылали впередъ ходаковъ для пріисканія мѣстъ: напротивъ, большинство разыскивало эти мѣста самолично и, приходя съ недостаточными средствами, часто, вслѣдствіе истощенія послѣднихъ, вынуждаемо было поселиться чуть не на первомъ понравившемся мѣстѣ, или, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ не тамъ, куда эти переселенцы хотѣли въ концѣ концовъ добраться. Затѣмъ, собравшись съ силами и средствами, нѣкоторые изъ этихъ

переселенцевъ осуществляли свое конечное желаніе и путемъ новаго передвиженія добирались до такихъ мѣстъ, гдѣ уже считали возможнымъ осѣсть окончательно. Такимъ можно было заранѣе приглядѣть и мѣста получше, ходя на заработки по рубкѣ лѣса, по сплаву (с. Новоселово), постоянно чрезъ извѣстныя мѣста гоняя гурты скотя изъ степей на трактъ для продажи (заимка Тальская, Тинской вол.), ѣздя часто мимо тѣхъ или другихъ мѣстъ на заработки или на охоту (Перовское, Рыбинской волости), наконецъ и нарочно разъѣзжая по окрестностямъ, спеціально для розысканія подходящихъ мѣстъ.

Условія для обзаведенія земледѣльческимъ хозяйствомъ, въ какія попадали засельщики, были, конечно, довольно разнообразны, и большинство тѣхъ изъ нихъ, которые ос али безъ приселенія къ уже существующему поселку, т. е. обосновывалась на никѣмъ не занятомъ мѣстѣ, должно было, такъ сказать, начинать все съ самаго начала.

Исключеніе составляли только тѣ засельщики, которые осѣдали на мѣстахъ, брошенныхъ предыдущими, уже ушедшими засельщиками, т. е. обосновывались, какъ выше было указано, на пепелищѣ исчезнувшихъ селеній, или же въ такихъ селеніяхъ, откуда передъ ихъ приходомъ, забросивъ свои пашни, ушла извѣстная, болѣе или менѣе значительная часть населенія. Тогда имъ можно было воспользоваться трудами предыдущихъ засельщиковъ по приготовленію мѣстъ подъ усадьбы и огороды и по расчисткѣ лѣса подъ пашни и покосы, и этимъ значительно облегчалось положеніе новыхъ засельщиковъ на первыхъ порахъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда засельщики осѣдали вблизи болѣе или менѣе населенныхъ мѣстностей, нѣкоторымъ изъ нихъ тоже иногда удавалось пріобрѣсти себѣ хотя бы въ небольшомъ количествѣ уже разработанныя пашни; напр., засельщики нынѣшняго с. Разъѣзжинскаго, Ермак. волости, выбравъ мѣстность для поселенія, купили себѣ заимки сосѣднихъ Ермаковскихъ крестьянъ и на нихъ поселились. Собинскіе засельщики (Ермак. вол.), поселившись, купили на первыхъ порахъ готовыя разработки (подъ пашни) у Кебежцевъ; когда же поселились Кебежцы, то въ первый годъ арендовали готовыя пашни у Жеблахтинцевъ и крестьянъ с. Ермакова. Вятичи, заселившіе въ 50-хъ годахъ д. Ключинскую (Ужурской вол.) и обосновавшіеся въ неудобномъ мѣстѣ, въ надеждѣ на заработки отъ извоза,

на первыхъ порахъ воспользовались брошенными залежами крестьянъ Солгона и Тарханки, что было все-таки для Ключницевъ важнымъ подспорьемъ, избавлявшимъ отъ необходимости немедленно приниматься за разработку пашни изъ подъ вѣкового могучаго лѣса. Основанной въ 1886 году д. Новокурской, при указаніи имъ администраціею долженствующаго ей принадлежать участка земли, отошло 50 десятинъ готовой пашни сосѣдняго села Скрипачей. Въ нѣсколькихъ случаяхъ образованія селеній съ помощью казны часть пашенъ сосѣднихъ деревень тоже включалась въ участки земель, прирѣзывавшихся новообразуемымъ селеніямъ (такъ было, напримѣръ, при поселеніи Ловати, Канск. окр., Субботина, Шушинск. вол. и др.), что, впрочемъ—надо замѣтить кстати—не избавило этихъ казенныхъ поселеній отъ обычной ихъ судьбы—обѣднѣнія и исчезновенія значительной части ихъ населенія.

Когда же засельщики осѣдали въ малонаселенной мѣстности, или тамъ, гдѣ населенія совсѣмъ не было, они должны были приниматься за разработку цѣлинъ и свободно могли расширять свои владѣнія во всѣхъ желательныхъ имъ направленіяхъ. Такъ оно и было въ большинствѣ случаевъ въ «доброе старое время». Но по мѣрѣ заселенія края, или вообще въ случаяхъ приселенія въ уже населенные районы, появленіе новыхъ засельщиковъ нерѣдко вызывало нѣсколько иныя отношенія—столкновенія и споры между засельщиками и старожилами.

Въ 3-хъ верстахъ отъ с. Езагашскаго, Балахт. вол., времени основанія котораго жители не помнятъ, въ сравнительно недавнее время находилась небольшая д. Гоньшево, основавшаяся послѣ Езагашъ. Исчезла она пятнадцать лѣтъ назадъ, потому что Езагашцы, какъ старожители, недовольные тѣмъ, что Гоньшевцы запахиваютъ земли, изстари имъ, Езагашцамъ, принадлежащія, всякими правдами и неправдами, просьбами по начальству о выселеніи припельцевъ и проч. сжили ихъ съ этого мѣста. Лѣтъ 25 назадъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь с. Анаское, Устьянской волости, стояла заимка Начетская, приписанная къ деревнѣ того же названія и основанная около 100 лѣтъ назадъ. Въ то время, когда эта заимка устраивалась, мѣстные жители поселенію новоселовъ не препятствовали, а вотъ теперь—лѣтъ 25 или 30 назадъ—когда стало въ угодьяхъ тѣснѣе, жители сосѣдней Абанской деревни стали притѣснять заимщиковъ въ покосахъ, такъ

что заимочники вынуждены были ходатайствовать передъ начальствомъ о перечисленіи ихъ въ другое общество и отводѣ имъ земельныхъ угодій не сообща съ другими селеніями, а какъ отдѣльной деревнѣ: просьба ихъ была исполнена, и съ тѣхъ поръ заимка Пачетская переименована въ д. Анапскую. Селеніе Ср. Кочубаръ, Сагайской волости, находилось раньше на той сторонѣ р. Амыла, совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, а вотъ уже 4 года какъ перешло сюда, вслѣдствіе того, что, въ уваженіе ходатайствъ крестьянъ селеній, образовавшихся по ту сторону Амыла, большая часть земель, на которыхъ разселился Кочубаръ, отведена была начальствомъ тѣмъ селеніямъ и т. п. Наконецъ, самое изслѣдованіе Восточной Сибири, въ которомъ я участвовалъ, предпринятое, какъ извѣстно, по особому Высочайшему повелѣнію отъ 12 мая 1887 года, произведено было въ цѣляхъ собиранія матеріала для предстоящаго землеустройства крестьянъ, въ виду запутанности существующихъ поземельныхъ отношеній между ними и массы споровъ между селеніями, явившихся результатомъ примѣненія обычнаго права захвата ничьей земли вездѣ, гдѣ только коса и топоръ проложатъ себѣ дорогу.

Съ увеличеніемъ населенія, съ заселеніемъ и расширеніемъ земельныхъ занашекъ, прежній просторъ все болѣе сокращался. Это вело не только къ увеличенію случаевъ столкновеній между деревнями и къ затрудненію приписки отдѣльныхъ новоприселяющихся семей или группъ ихъ къ уже существующимъ деревнямъ, но и къ нѣкоторымъ измѣненіямъ взглядовъ мѣстнаго населенія на существующія поземельныя отношенія, на право захвата, право труда и проч. Но такъ какъ этому вопросу была уже посвящена, вышедшая въ 1890 году, работа моя о формахъ землевладѣнія у крестьянъ и инородцевъ той части Сибири, а здѣсь сообщается только то, что еще нигдѣ не напечатано, то я и не буду останавливаться теперь на этомъ вопросѣ.

Добавлю только—къ вопросу объ условіяхъ поселенія и трудностяхъ первыхъ шаговъ новоселовъ по части устройства новаго хозяйства,—что почти всѣмъ засельщикамъ, осѣдая и заводя хозяйство, приходилось неизбѣжно считаться съ новыми условіями, въ какія они попали, и заводить хозяйство, такъ сказать, по сибирскому типу. Сама природа сибирская была такова, что съ перваго же дня, вмѣсто привычнаго, напр., трехполья, новоселъ изъ Европ. Россіи

должен былъ браться за топоръ, «ронить» лѣсъ, расчищать изъ-подъ лѣса пашню и сѣять на ней годъ за годомъ все, что ему было нужно. Много разработать сразу не могъ, раскорчевка изъ-подъ лѣсу шла очень медленно, и разрабатываемой пашни не хватало для необходимаго посѣва. Поэтому, волей неволей, снявъ одинъ урожай, приходилось засѣвать ту же землю снова, а дѣвственная почва кстати на первыхъ порахъ давала—и при ежегодномъ посѣвѣ—хорошіе урожаи. Этимъ уже опредѣлялось установленіе системы, отличной отъ трехполья, при чемъ и самыя орудія обработки, привезенныя съ родины, оказывались неподходящими къ даннымъ условіямъ и замѣнялись орудіями мѣстнаго производства. Постепенно устанавливалась переложная система хозяйства съ двуполемъ, устарѣвшія земли бросались въ залежи, на смѣну имъ разрабатывалась новь и т. д. и т. д. Словомъ, все, или почти все, дѣлалось такъ, какъ это, до прихода данныхъ новоселовъ, дѣлалось уже окрестными сибиряками, при чемъ сами новоселы находили, что «иначе и невозможно». Въ этомъ отношеніи особенно характерны слова Дубининскихъ новоселовъ, Шарломовской вол., пришедшихъ туда лишь недавно (1887 г.) и слѣдовательно не въ глухую вѣковѣчную тайгу, а въ мѣста значительно заселенныя и сравнительно культурныя. Дубининцы—они переселенцы изъ Курской губерніи—говорятъ, что всѣ они стараются подчиниться здѣшнимъ сибирскимъ порядкамъ безусловно, для чего ко всему присматриваются, всему учатся у сибиряковъ, во всемъ имъ стараются подражать, а бывшіе на родинѣ порядки считаютъ здѣсь непримѣнимыми и при здѣшнихъ условіяхъ рѣшительно не умѣютъ провести ихъ въ жизнь.

Подробное и обстоятельное разъясненіе и изложеніе даннаго вопроса можно найти въ недавней журнальной статьѣ А. А. Кауфмана, извѣстнаго изслѣдователя Западной Сибири, въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» о культурной роли переселенцевъ въ Сибири. Но этому мнѣ въ данномъ случаѣ достаточно констатировать только главный фактъ, такъ какъ изложеніе деталей и разъясненіе всѣхъ причинъ и условій такого обращенія новоселовъ къ сибирскому типу хозяйства излишне удлинило бы мой докладъ.

Продолжая затѣмъ рѣчь объ отношеніяхъ между аборигенами и новыми засельщиками страны, вызванныхъ земельными захватами послѣднихъ, обращусь теперь къ выясненію исторіи завладѣнія русскими засельщиками земель у аборигеновъ края—татаръ.

Въ настоящее время татары живутъ въ предѣлахъ Енисейской губерніи только на югѣ и юго-западѣ губерніи по лѣвую сторону р. Енисея, съ притокомъ его Абаканомъ, и по Чулыму, или Усу, притоку Оби. Тамъ, въ юго-западной части Ачинскаго и западной Минус. округовъ[1]), они еще занимаютъ обширныя степи, живя цѣлыми родами и вѣдомствами (т. е. волостями), а въ остальныхъ частяхъ губерніи попадаются только въ немногихъ селеніяхъ единичными значительно уже обрусѣвшими семьями, или же отдѣльными небольшими поселками, почти вездѣ утратившими свою самобытность.

Прежде они жили на гораздо большемъ пространствѣ. Не только въ разныхъ частяхъ Минусинскаго и Ачинскаго округовъ, степныя части которыхъ заняты и теперь, какъ я сказалъ, минусинскими и ачинскими татарами, сагайцами и кизыльцами, но и въ округахъ Канскомъ и Красноярскомъ татары эти, повидимому, въ довольно большомъ числѣ проживали въ сравнительно все таки недавнее время. Въ Канскомъ округѣ. Уринской волости, и до сихъ поръ еще среди массы русскихъ селеній сохранился одинъ улусъ—Агульскій, населенный инородцами, ведущими свое происхожденіе отъ какой то орды Кумасинской, покоренной будто бы самимъ Ермакомъ. Изъ собранныхъ путемъ разспросовъ данныхъ видно, что с. Шеломово, Тасѣевской волости Канскаго округа, заселено было 112 лѣтъ тому назадъ для усмиренія дикой «чуди»; надо думать, что подъ этой чудью могли подразумѣваться только мѣстные инородцы, которые, очевидно, были тогда въ довольно значительномъ числѣ, если для ихъ усмиренія приходилось устраивать особые заселки. Населеніе дер. Ньянковской, Рыбинской волости, того же округа и теперь еще состоитъ изъ вымирающихъ нынѣ потомковъ татаръ, крещенныхъ уже давно, но и до нынѣ говорящихъ по-татарски и частію живущихъ въ юртахъ. По преданію, селеніе это образовалось изъ *единственнаго* стойбища Угумаковскаго улуса, такъ какъ въ періодъ существованія этого стойбища остальные татары продолжали въ окрестностяхъ вести кочевой образъ жизни. Нынѣшніе жители Ньянковской, хотя и говорятъ по-татарски, но по типу лица болѣе похожи на бурятъ, чѣмъ на татаръ, хотя почти всѣ имѣютъ густыя бороды, что у первыхъ встрѣчается рѣдко. Это измѣненіе типа даетъ нѣкоторый поводъ думать.

[1]) Есть еще одно небольшое вѣдомство въ сѣверной части Ачинск. округа.

что Нижнеудинскіе татары составляютъ продуктъ смѣшенія татаръ съ бурятами, карагасами или тунгусами. Присутствіе здѣсь послѣднихъ въ былое время доказывается, между прочимъ, существованіемъ у крестьянъ Нижнезаимскаго селенія, Тинск. вол., преданія, что ихъ селеніе основано по распоряженію правительства лѣтъ 150 назадъ людьми, присланными изъ Европ. Россіи «въ зачетъ рекрутъ» и поселенными здѣсь въ непроходимыхъ мѣстахъ, гдѣ бродили тунгузы и карагасы, а также и тѣмъ, что остатки вымирающаго племени карагасовъ живутъ и въ настоящее время неподалеку отсюда—въ смежномъ Нижнеуд. округѣ, Иркутской губерніи.

Въ Красноярскомъ округѣ имѣется тоже немало слѣдовъ сравнительно недавняго пребыванія инородцевъ. Пригородное—невдалекѣ отъ губернскаго города Красноярска—с. Коркино, по преданію, было раньше татарской заимкой, носившей имя Конецъ-Ярской, но когда лѣтъ 150 назадъ стали селиться здѣсь русскіе, часть татаръ ушла въ Минусу, т. е. въ Минусинскій округъ, а часть осталась здѣсь жить вмѣстѣ съ русскими. Въ с. Установскомъ, въ 25 верстахъ отъ г. Красноярска, и до сихъ поръ живутъ потомки татаръ, кочевавшихъ въ долинѣ р. Качи, впадающей нынѣ въ Енисей въ самомъ г. Красноярскѣ; въ 30-хъ годахъ ихъ зачислили въ осѣдлые, но значительное большинство этихъ татаръ, носившихъ названіе Качинскихъ, вслѣдствіе этого зачисленія, ушло тоже въ Минусу. Въ с. Моганскомъ, гдѣ живетъ нѣсколько семей осѣдлыхъ инородцевъ, часть селенія сохранила еще названіе «юрты», а самое селеніе зовется Моганскимъ по горѣ Моганъ, которая, по преданію, названа такъ по имени татарскаго князька Могана. Здѣсь, при паханіи земли, находятъ нерѣдко стрѣлы съ желѣзными и даже стальными будто бы наконечниками, производство коихъ мѣстное населеніе приписываетъ ушедшимъ отсюда Качинскимъ татарамъ. Надо однако замѣтить, что село это, какъ и с. Свищево, той же волости, гдѣ тоже находятъ такія стрѣлы, лежитъ въ области кургановъ съ бабами и руническими надписями на нихъ, оставленными болѣе древними обитателями этой части Сибири.

Былое присутствіе татаръ во многихъ частяхъ обоихъ этихъ округовъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ нынѣшнихъ мѣстъ татарскаго поселенія, доказывается также существованіемъ многихъ инородческихъ названій русскихъ деревень (Ашкауль, Кантатъ, Бартатъ,

Мингуль, Пакуль, Алтать и т. п.) и присутствіемъ во многихъ русскихъ селеніяхъ (Юксѣево, Бердяшино, Шиверское и др.) инородцевъ осѣдлыхъ и такъ называемыхъ «крестьянъ изъ инородцевъ», т. е. потомковъ осѣдлыхъ инородцевъ, перечислившихся или перечисленныхъ въ крестьяне. Перечисленіе большинства ихъ, какъ видно изъ переписки тридцатыхъ годовъ, добытой мною въ архивѣ Ужурскаго волостного правленія, произошло, по распоряженію правительства, въ 1833 году, такъ какъ журналомъ Главнаго Управленія Восточной Сибири 1832 года постановлено было отчисленіе инородцевъ отъ управленія кочевыхъ въ разрядъ осѣдлыхъ произвести съ 1 января будущаго года съ тѣмъ, чтобы причислить ихъ въ вѣдомство именно тѣхъ окружныхъ управленій и тѣхъ крестьянскихъ обществъ, среди которыхъ они жительство имѣютъ, ибо они, по разсѣянному своему состоянію по разнымъ округамъ и волостямъ, не могутъ изъ себя составить особыхъ управленій», при чемъ въ томъ же постановленіи опредѣлено было надѣлить ихъ землею и указано, что 230 душъ инородцевъ, живущихъ въ Красноярскомъ округѣ близъ г. Красноярска подъ именемъ качинскихъ инородцевъ [1]), какъ могущіе по «неразсѣянному своему состоянію» составить особое общество, должны въ с. Торгашинѣ образовать особое инородческое управленіе подъ именемъ Качинскаго. Изобиліе слѣдовъ присутствія инородцевъ въ селеніяхъ, лежащихъ въ окрестностяхъ нынѣшняго губернскаго города Красноярска на р. Качѣ, указываетъ на то, что мѣстность эта была до нѣкоторой степени центромъ обитанія качинскихъ инородцевъ, значительная часть которыхъ, какъ видно, оставалась здѣсь еще въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и только послѣ указаннаго распоряженія Главнаго Управленія Восточной Сибири отошлась на Минусу.

При разсмотрѣніи данныхъ о времени заселенія различныхъ округовъ губерніи нельзя не прійти къ заключенію, что Канскій и Красноярскій округа, въ которыхъ остались теперь только слѣды инородческаго пребыванія или небольшія смѣшанныя съ русскими группы потомковъ кочевавшихъ здѣсь татаръ, заселились раньше большей части Минусинскаго и значительной части Ачинскаго округовъ, почему и инородцы, подъ давленіемъ притока русскихъ изъ-

[1]) См. выше.

должны были перекочевать отсюда раньше, чѣмъ изъ остальныхъ двухъ, а слѣдовательно оставить и меньше слѣдовъ своего пребыванія.

Наоборотъ, въ Минусинскомъ и Ачинскомъ округахъ, гдѣ заселеніе нѣкоторыхъ довольно крупныхъ районовъ шло гораздо позже, чѣмъ въ первыхъ двухъ, и гдѣ—именно въ Минусинскомъ округѣ—и до сихъ поръ еще продолжается привселеніе русскихъ въ довольно широкихъ размѣрахъ, а населеніе еще не вполнѣ устоялось и бродитъ, перемѣняетъ свои мѣста, инородцы не только оставили значительные слѣды своего пребыванія на пространствѣ, занятомъ нынѣ русскими селеніями, но и сами занимаютъ еще обширные степные районы.

Слѣдами ихъ былого пребыванія въ русской части этихъ двухъ округовъ является тоже присутствіе въ русскихъ селеніяхъ осѣдлыхъ инородцевъ и крестьянъ изъ инородцевъ и, наконецъ, распространенность среди русскаго населенія легенды *о бѣломъ царѣ и бѣлыхъ березахъ*, которую я въ одинаковомъ видѣ слышалъ и въ с. Курагинѣ Минусинскаго округа, и въ Ужурской волости Ачинскаго округа, и въ сс. Моганскомъ и Шиверскомъ, Красноярскаго округа. Легенда вездѣ связана съ приходомъ русскихъ и существованіемъ кургановъ, оставшихся въ дѣйствительности отъ еще болѣе древнихъ обитателей страны [1]). Легенда объясняетъ существованіе этихъ кургановъ такимъ образомъ. Когда стали приходить во владѣнія инородцевъ русскіе, то въ это время у инородцевъ уже существовало повѣрье, что когда появятся бѣлыя деревья (березы), то это будетъ означать скорое прибытіе бѣлаго царя, который подчинитъ себѣ всѣхъ ихъ. Поэтому, когда дѣйствительно появились русскіе и на производимыхъ ими вырубкахъ для усадебъ и пашенъ стала разрастать береза, то инородцы увидѣли въ этомъ конецъ своему существованію, въ ужасѣ стали рыть себѣ могилы съ высокими земляными крышами на деревянныхъ подпоркахъ и тамъ массами погребали себя живьемъ, вмѣстѣ съ своимъ скарбомъ, убирая подпоры и заваливаясь такимъ образомъ землею. Такъ объясняетъ народная фантазія происхожденіе часто встрѣчающихся здѣсь древнихъ кургановъ съ каменными бабами и рунническими надписями на нихъ, а

[1]) Кстати сказать, одно изъ беллетристическихъ произведеній г. Мамина «Бирюкъ изъ жизни населенія Приуралья», помѣщенъ, основано на такой же легендѣ.

также и причину, почему инородцы такъ слабо сопротивлялись русскому нашествію. Легенда эта интересна собственно какъ одно изъ доказательствъ, что русскіе засельщики во многихъ мѣстахъ застали кочевыхъ инородцевъ и вызвали въ нихъ такой испугъ, что послѣдніе въ скоромъ же времени исчезли изъ занятыхъ русскими районовъ. Что же касается собственно вопроса о появленіи бѣлыхъ березъ въ то время, то имѣ мѣстные крестьяне объясняютъ это тѣмъ, что береза всегда выростаетъ у нихъ на лѣсныхъ вырубкахъ и что такъ какъ кочевники лѣсовъ не расчищали, то и березъ не видали, тѣмъ болѣе, что береза и теперь въ глухой тайгѣ не растетъ. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ мѣстныхъ ботаниковъ, съ которыми я говорилъ по этому вопросу, склонны объяснить это тѣмъ, что, какъ замѣчено ими въ Сибири, съ совершающейся въ ней перемѣной климата измѣняются и пояса растительности. Передвиженіе же этихъ поясовъ растительности для простого народа всего легче замѣтить именно на такомъ, выдающемся по своему виду, деревѣ, какъ береза съ ея бѣлымъ стволомъ, рѣзко выдѣляющимся на сѣробуромъ фонѣ стволовъ остальныхъ древесныхъ породъ.

Наибольше воспоминаній о борьбѣ съ инородцами сохранилось въ Ужурской и Шараповской волостяхъ Ачинскаго округа, заселенныхъ позднѣе всѣхъ волостей этого округа, такъ какъ населеніе послѣднихъ само постепенно передвигалось на югъ и юго-западъ именно въ этотъ населенный тогда исключительно татарами районъ, прилегающій и къ Абаканскимъ степямъ, и къ отрогамъ Алтая. О заселеніи (около 100 лѣтъ тому назадъ) с. Солгона, Ужурской волости, разсказываютъ, что въ первое время татары хотѣли воспрепятствовать поселенію здѣсь русскихъ и однажды, неожиданно для послѣднихъ, собрались кучею съ гикомъ и крикомъ гнать русскихъ. Послѣдніе тоже столпились въ кучу, и нѣкоторое время обѣ партіи стояли другъ противъ друга въ ожиданіи. Наконецъ одинъ изъ русскихъ не выдержалъ и бывшей въ его рукахъ оглоблей съ размаху ударилъ ближайшаго къ нему татарина и такъ удачно, что сразу сбилъ его съ коня. При видѣ этого, остальные татары тотчасъ обратились въ бѣгство и вскорѣ же перекочевали туда, гдѣ теперь д. Изыкчульская, куда черезъ 50 лѣтъ послѣ этого тоже пришли русскіе, и откуда эти же татары ушли уже сразу подальше на югъ, къ такъ называемому Божьему озеру. Первые засельщики д. Жигутовой,

крестьянинъ Жгутовъ съ тремя сыновьями, по приходѣ на мѣсто устроил мельницу. Татары собрались въ числѣ около 200 человѣкъ и окружили мельницу со всѣхъ сторонъ, думая, вѣроятно, многочисленностію своею устрашить русскихъ. Но Жгутовъ съ сыновьями все здоровенные мужики забарлись въ мельницѣ, вылѣзли на ея крышу съ ружьями, которыя и направили на татаръ. Тогда видя, что защита будетъ энергична, татары отступили и вскорѣ тоже откочевали подальше. Среди массы подобныхъ разсказовъ по поводу основанія отдѣльныхъ селеній Ачинскаго округа о мелкихъ стычкахъ или даже о добровольномъ уходѣ татаръ при появленіи русскихъ, изрѣдка лишь приходится слышать, что татары пробовали изподтишка, когда взрослые русскіе уходили изъ селенія на работы, дѣлать на строющіяся селенія набѣги и ломать избы и печи, но въ концѣ концовъ все-таки сами же откочевали подальше отъ русскихъ. По объясненію нѣкоторыхъ стариковъ, такой быстрый уходъ ихъ, кромѣ присущей татарамъ боязливости и слабосилія, зависѣлъ еще отъ боязни, чтобы ихъ не зачислили въ крестьяне, или не стали брать въ солдаты, и наконецъ отъ слишкомъ значительной разницы въ образѣ жизни съ послѣдними (т. е. съ русскими). Нѣкоторые улусы на первыхъ порахъ все-таки пробовали жить въ сосѣдствѣ съ русскими и сообща пользоваться землями: напр., сосѣди основавшіе 102 года назадъ д. Кузурбы, Ужурской волости, имѣвшіе общія съ ними угодья и общую поскотину: по впослѣдствіи они все-таки откочевали. Другіе позволили осѣсть русскимъ въ своихъ улусахъ и въ результатѣ этого появились теперь въ Ужурск. и Шарыповск. вол. селенія съ смѣшаннымъ населеніемъ. Нѣкоторые улусы остались въ Ужурск. и Шарын. волостяхъ, такъ сказать, вкрапленными среди русскихъ селеній, и существуютъ по сіе время. Наконецъ, въ 2—3 селеніяхъ произошелъ такой курьезъ, что изъ бывшаго улуса откочевали всѣ инородцы, кромѣ двухъ трехъ, или даже одного, какъ въ Косоголѣ: этотъ одинъ и *принялъ* такимъ образомъ приселявшихся русскихъ *въ свое общество*: теперь же русскіе, проживъ съ нимъ въ мирѣ и согласіи нѣсколько десятковъ лѣтъ и почувствовавъ утѣсненіе въ земляхъ, начинаютъ притѣснять его, какъ *постороннято* обществу человѣка, и, забывая «старую хлѣбъ-соль», гонятъ изъ своего селенія. Проживутъ ли долго эти недогадавшіеся приписаться въ число крестьянъ инородцы въ русскихъ селеніяхъ, долго ли просуществуютъ вкрапленные среди

русскихъ деревень Ужурск. и Шарын. волостей улусы татаръ—это подлежитъ большому сомнѣнію, если принять во вниманіе послѣдствія русскаго напыва въ другихъ округахъ, а также и то, что главное заселеніе Ужурск. и Шарын. волостей происходило всего 50 и максимумъ 105 лѣтъ назадъ.

Въ Минусинскомъ округѣ, не смотря на сравнительно позднее заселеніе юго-восточной его части, включающей Идринскую, Курагинскую, Сагайскую, Тесинскую, Ермаковскую и Шушинскую волости, преданія сохранили наименьшее количество воспоминаній о татарахъ, тогда какъ несомнѣнно ранѣе ихъ заселенныя Абаканская и Новосельская волости сохранили этихъ воспоминаній гораздо больше. Надо думать, что самый характеръ мѣстности вліялъ на это: Абаканская и Новоселовская волости, находясь при р. Енисеѣ, къ которому съ лѣвой стороны примыкаютъ теперешнія главныя становища минусинскихъ татаръ, имѣютъ болѣе ровный, степной характеръ, чѣмъ вышеперечисленныя, позднѣе заселенныя волости, заполняемыя въ большей или меньшей части отрогами Саянъ и изобилующія лѣсами, и потому татары предпочитали для своихъ кочевьевъ именно мѣста, занимаемыя нынѣ Абаканской и Новоселовской волостями. При томъ же объ волости эти лежатъ между Красноярскимъ и Канскимъ округами, съ одной стороны, и нынѣшнимъ пребываніемъ минусинскихъ татаръ, съ другой, т. е. какъ разъ на пути слѣдованія татаръ обоихъ этихъ округовъ въ Минусу, когда они бѣжали туда съ сѣвера отъ русскаго нашествія.

Тѣмъ не менѣе, изъ преданій, сохранившихся у мѣстныхъ жителей, и изъ свѣдѣній, любезно сообщенныхъ мнѣ мѣстнымъ любителемъ старины, крестьяниномъ с. Курагина, г. Девятовымъ, рывшимся въ мѣстныхъ архивахъ, былое пребываніе татаръ въ наиболѣе степныхъ районахъ этихъ волостей становится несомнѣннымъ, что, впрочемъ, подтверждается и существованіемъ татарскихъ названій мѣстныхъ деревень и рѣкъ, а также и указаннымъ пребываніемъ потомковъ инородцевъ въ числѣ членовъ нѣкоторыхъ селеній.

Не останавливаясь на приведеніи отдѣльныхъ фактовъ въ доказательство присутствія здѣсь инородцевъ въ прошлые годы, скажу только нѣсколько словъ о татарахъ, заселявшихъ нынѣшнюю Курагинскую волость. Въ то время какъ въ г. Енисейскѣ - тогдашней столицѣ всего Енисейскаго края - воеводой былъ Римскій-Корсаковъ,

родовымъ начальникомъ мѣстныхъ татаръ былъ въ этой мѣстности Курага, который крестился, по совѣту Корсакова, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Енисейскъ, вѣроятно, съ данью, а между прочимъ и на бѣла, которые тамъ устраивались ежегодно (татары большіе любители верховой ѣзды). Это было приблизительно въ 1720 году. Уже крестясь, Курага просилъ у воеводы помощи противъ живущихъ въ верховьяхъ Енисея сойотовъ, съ которыми у татаръ вышелъ споръ изъ-за рыбныхъ ловель [1]). Это было уже въ царствованіе Анны Іоанновны. Воевода далъ Курагѣ казаковъ, вѣроятно, предполагая кстати обложить сойотовъ данью, а сойоты пустились наутекъ, такъ что татары и казаки догнать ихъ не могли, но въ одномъ мѣстѣ нашли между еще непотухшими кострами покинутаго сойотами стана забытаго ими ребенка, котораго Курага взялъ къ себѣ на воспитаніе и назвалъ Джибиномъ, что значитъ «нитка», потому что ребенокъ былъ страшно худъ. Впослѣдствіи отъ него пошла въ нынѣшнемъ с. Курагинѣ весьма распространенная фамилія Джибиновыхъ, а отъ самаго Кураги—Курагиныхъ. Въ то время когда казаки съ татарами шли вверхъ по Енисею въ погонѣ за сойотами, послѣднее встрѣченное ими на пути въ верхнемъ теченіи Енисея селеніе было Караульно-острожное, нынѣшней Новоселовской вол., гдѣ былъ острогъ, или пограничная крѣпость. Слѣдовательно, вблизи нея въ то время кочевали татары. Когда Курага крестился, татары по словамъ преданія—стали упрекать его за это, такъ какъ у нихъ существовало повѣрье, что придутъ на нихъ злые люди съ рваными ноздрями. Впослѣдствіи такъ и случилось: когда устроенъ былъ Ирбинскій заводъ и нагнали туда каторжниковъ для работы на заводѣ, тѣ дѣлали набѣги на татарскіе улусы, съ цѣлью воровать скотъ себѣ для пищи. Отъ этихъ набѣговъ татары откочевали за р. Тубу (притокъ Енисея) и тамъ между прочимъ основали улусъ, теперь существующій подъ именемъ д. Качульки, изъ русскихъ съ примѣсью инородческаго на-

[1]) Нынѣшнее село Курагино, принадлежавшее еще недавно къ району Тесинской волости, стоитъ близъ р. Тубы (притока р. Енисея) за Тубой недалеко отъ с. Курагина принимаетъ въ себя притокъ рѣчку Тесь. Инородческое же племя, живущее подъ именемъ сойотовъ, зоветъ себя «тесь», откуда можно думать, что сойоты прежде жили въ этой мѣстности и что споръ изъ-за рыбныхъ ловель потому и произошелъ между названными двумя племенами, что они въ то именно время жили по сосѣдству другъ съ другомъ.

селенія. Отключеніе татаръ за Тубу произошло, по всей вѣроятности, послѣ 1740 г., но когда именно—неизвѣстно [1]).

Такимъ образомъ вездѣ инородцы были оттѣснены русскими засельщиками, и только немногіе сочли возможнымъ остаться между ними. Нѣкоторые, очевидно подъ вліяніемъ болѣе близкаго знакомства съ русскими, обратившись къ осѣдлой жизни, сами стали основателями отдѣльныхъ селеній, напр., д. Ново-Маріасовой, Новоселовской волости, 60 лѣтъ назадъ, М. Хабыка, Идринск. вол., образованнаго 80 лѣтъ назадъ татарами, пришедшими изъ Сыда, с. Означеннаго, Бейской вол., основаннаго кочевыми инородцами 50 лѣтъ назадъ и с. Бородина, Абаканской вол., основатели котораго были 30 лѣтъ назадъ инородцы, въ первое время сильно тѣснившіе одинокихъ русскихъ засельниковъ, пока послѣднихъ не прибыло слишкомъ много.

Изъ этого перечня видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нынѣшней русской части Минусинскаго округа татары продолжали держаться отдѣльными болѣе или менѣе самостоятельными группами еще до 30-хъ и даже 50-хъ годовъ текущаго столѣтія. Изъ помянутаго уже распоряженія Главнаго Управленія Восточной Сибири въ 1832 году видно, что распоряженіемъ этимъ приказано было обратить въ томъ году въ осѣдлое крестьянское состояніе 71 души инородцевъ Шушинской волости, 63 Курагинской, 85 Абаканской и 19 Новоселовской, Минусинскаго округа, а также 151 Ужурской и 12 Балахтинской и Назаровской, Ачинскаго округа. Инородцы, которые не бѣжали отъ этого перечисленія, всячески ему противились, такъ что уже въ приказѣ земскаго исправника, отъ 10 ноября 1833 года, Ужурскому волостному правленію мы читаемъ, что «по рапорту волостнаго правленія о неповиновеніи инородцевъ, поступившихъ въ крестьяне», онъ приказываетъ передать имъ его письменные приказы, «чтобы они непремѣнно были покорны власти мѣстнаго начальства», «внушить имъ обязанность къ покорности и стараться привести ихъ въ должное повиновеніе», а уже въ приказѣ 28 ноября того же года читаемъ, что такъ какъ нѣкоторые инородцы «замышляютъ нынѣ вновь утруждать самого Государя Императора о перемѣнѣ закона, собственно *по имени* изданнаго, и всѣмъ предписаніямъ моимъ, земскаго суда, даже его превосходительства господина гражданскаго губернатора,

[1]) Свѣдѣнія эти о Курагинской вол. сообщены мнѣ г. Девятовымъ.

повелѣвающимъ имъ быть покорными безусловно подъ вѣдѣніемъ Ужурской волости въ крестьянахъ, не хотятъ повиноваться», «предписываю поименованныхъ 3-хъ человѣкъ маріасовцевъ, яко главныхъ возмутителей къ непокорности правительства», «схватить, заключать въ колодки и представить въ земскій судъ на дальнѣйшее мое распоряженіе»...

Вышеприведенное указываетъ, что, по сохранившимся въ народѣ преданіямъ, инородцы оказали вообще весьма слабое сопротивленіе вторженію русскихъ и довольно быстро откочевали въ глубь еще незаселенныхъ ими пространствъ. Какъ я уже сказалъ, сами русскіе объясняли и объясняютъ это главнымъ образомъ врожденною трусливостью татаръ. И сравнительно довольно много провелъ времени между татарами, бывалъ и у сагайцевъ, и у абаканцевъ, качинцевъ, кизыльцевъ, живалъ понемногу въ ихъ улусахъ, ночевывалъ въ юртахъ—и вообще впечатлѣніе, вынесенное мною, совпадаетъ со взглядомъ на нихъ крестьянъ. Дѣйствительно, въ большинствѣ это народъ боязливый, робкій, дрожащій передъ мѣстнымъ начальствомъ (земскими засѣдателями и исправниками),—начальствомъ, которое, впрочемъ, никогда ничѣмъ его не баловало а, пользуясь его неразвитостью и беззащитностью, изощрялось въ мѣропріятіяхъ по части собиранія съ нихъ дани натурой и деньгами для набиванія собственныхъ кармановъ. Но еще и теперь въ центрѣ Абаканскихъ степей Минусинскаго округа можно найти цѣлый уголъ татарскихъ улусовъ по рѣкѣ Ниф, энергичное населеніе которыхъ почти сплошь занимается конокрадствомъ, на сотни верстъ кругомъ наводя страхъ на окрестное татарское населеніе своими неожиданными вечерними и ночными, одиночными и групповыми налетами, при помощи которыхъ они уводятъ иногда цѣлые косяки конскихъ табуновъ, рискуя сложить свои головы подъ выстрѣлами стерегущихъ ихъ конныхъ пастуховъ, или иногда и при погонѣ цѣлаго улуса.

Трудно предположить, чтобы эти признаки энергіи были только удѣломъ сравнительно небольшой кучки татарскихъ улусовъ: не вяжется это и съ устройствомъ въ свое время остроговъ для оберегания русскихъ владѣній отъ инородческихъ набѣговъ, хотя главное ихъ назначеніе и могло заключаться въ сборѣ дани, такъ сказать, на мѣстѣ. Трудно предположить также, чтобы приходъ первыхъ еще неизвѣстныхъ татарамъ—русскихъ засельниковъ сразу произвелъ на всѣхъ ихъ столь устрашающее впечатлѣніе...

Не отрицая поэтому достовѣрности сохранившихся и изложенныхъ мною выше преданій о послѣдней борьбѣ русскихъ засельщиковъ съ инородцами, такъ какъ они, черезчуръ, такъ сказать, единогласно указываютъ на слабое сопротивленіе инородцевъ, вѣрнѣе всего предположить, что преданія эти относятся именно къ моменту *послѣдняго* періода борьбы съ инородцами; преданій же о болѣе раннемъ періодѣ этой борьбы въ народѣ не сохранилось. Такимъ образомъ, оставшіяся преданія характеризуютъ борьбу съ тѣми инородцами, предки которыхъ въ свое время уже имѣли дѣло съ энергичными русскими засельщиками, уже пробовали съ ними свои силы, вѣроятно весьма усиленно боролись, но въ концѣ концовъ уступили подъ напоромъ все новыхъ и новыхъ силъ, пришедшихъ при томъ же и съ болѣе совершенными орудіями борьбы.

Преданія, пересказанныя выше, относятся главнымъ образомъ къ Ужурской и Шарыповской волостямъ Ачинскаго округа; между тѣмъ, изъ предыдущаго уже извѣстно, что канскіе и красноярскіе инородцы много раньше ачинскихъ, уступая напору русскихъ засельщиковъ, покинули эти два округа. Извѣстно также, что Балахт. и Назаровой волости, Ачинскаго округа, и Новоселовская вол., Минусинскаго округа, заселились настолько раньше Ужурской и Шарыповской, что въ нихъ не сохранилось уже и преданій о времени возникновенія большинства селеній, а Ужурская и Шарыповская вол. въ значительной части заселились именно изъ этихъ 3-хъ волостей. Можно думать поэтому, что инородцы, кочевавшіе въ районѣ этихъ 3-хъ волостей, въ періодъ ихъ заселенія русскими, тоже выдерживали извѣстную борьбу съ русскими и, отступивъ въ степи юго-западной части Ачинскаго или западной части Минусинскаго округа, уже знали, чего они могутъ въ концѣ концовъ ожидать отъ русскихъ засельщиковъ. Иначе сказать, періодъ той борьбы съ русскими, которая сохранилась еще въ преданіяхъ, былъ уже послѣднимъ актомъ борьбы инородцевъ противъ русскихъ засельщиковъ, и такимъ актомъ, который совершался въ то время, когда многіе инородцы лично или по разсказамъ стариковъ, по собственнымъ преданіямъ, перешедшимъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, уже были знакомы съ тяжестью русскаго оружія, съ энергіею русскихъ засельщиковъ и, отступивъ однажды, были уже напуганы этою наступающею на нихъ силою.

Надо замѣтить также, что если теперешніе вольные засельщики приходятъ въ Сибирь почти исключительно съ культурно-земледѣльческими цѣлями, то въ прежнее время —и чѣмъ раньше, тѣмъ больше— приходило или присылалось въ Сибирь не мало народу, имѣвшаго цѣли, чуждыя земледѣлію. Уже и выше было мною указано на возникновеніе деревень, каковы Суховская и Дѣтлова, осѣданіемъ въ этихъ мѣстахъ разбойниковъ. Въ одномъ изъ послѣдующихъ докладовъ по исторіи заселенія Енисейской губерніи я укажу еще на условія образованія правительствомъ казенныхъ заводовъ изъ ссыльныхъ и каторжниковъ, съ теченіемъ времени разбѣгавшихся изъ этихъ заводскихъ поселеній «во всѣ стороны свѣта бѣлаго» и наводившихъ ужасъ на населеніе своими грабежами. Взоры всѣхъ этихъ людей, совершенно чуждыхъ культурно-земледѣльческимъ цѣлямъ, съ особымъ вниманіемъ —въ цѣляхъ грабежа— обращались на инородцевъ съ ихъ огромными табунами всякаго рода скота, съ богатствомъ въ мѣхахъ,—инородцевъ, живущихъ безъ запоровъ въ жилищахъ, разбросанныхъ по одиночкѣ или мелкими группами. И это, въ свою очередь, тоже по всей вѣроятности, не могло не оказать нѣкотораго вселяющаго страхъ къ русскимъ вліянія на мѣстныхъ инородцевъ. Мы видѣли уже, какъ при подобныхъ условіяхъ татары, потомки соплеменниковъ Кураги, ушли за р. Тубу отъ нашествія каторжниковъ изъ Ирбейскаго завода. А что разбои и грабежи въ той мѣстности, гдѣ еще сохранились преданія о трусливомъ отступленіи инородцевъ передъ русскими засельщиками, происходили въ этотъ періодъ ея заселенія, тому доказательствомъ служитъ случайно найденный мною документъ въ архивѣ Ужурскаго волостнаго правленія.

Помянутый документъ составляетъ реестръ вещамъ, увезеннымъ разбойниками у крещенной татарки Феодосіи Янгуловой.

Регистръ вещамъ, увезеннымъ разбойниками у Феодосіи Янгуловой въ 1825 году

Денегъ золотыхъ монетовъ несчитаны были, насыпанныя суммы едва могли поднять два человѣка; государственными ассигнаціями—300 р.; 20 рысей—600 р.; 9 выдръ—360 р.; 6 соболей—60 р.; 2 лисицы черныя—200 р.; 14 сиводушекъ и бѣлодушекъ—210 р.; 2 кушака шелковыхъ иркутскихъ, по 70 р. каждый—140 р.; 2 кушака иркутскихъ же шелковыхъ, по 50 р.—100 р.; 1 кушакъ шелковый простой—15 р.; 5 кушака бумажныхъ, по 5 р.—15 р.; 1 пимы, золотомъ и шелкомъ шитыя—60 р.; 5 аршинъ сукна кармазиннаго чернаго, по 30 р. аршинъ—150 р.; 5 аршинъ голи красной, по 12 р.—60 р.; 3 аршина голи темной, по 10 р. арш.—30 р.; 9 аршинъ гранитуру по 4 р. аршинъ—36 р.; 10 аршинъ парчи по красной землѣ, цвѣты золотыя—100 р.; 10 аршинъ парчи по голубой землѣ, цвѣты золотыя—100 р.; 10 аршинъ парчи черемховаго цвѣта, цвѣты золотыя—100 р.; 10 аршинъ парчи по зеленой землѣ, цвѣты сере-

бряныя съ золотомъ 150 р.; 3 аршина парчи зеленаго же цвѣта цвѣты, маленькія съ золотомъ 30 р.; 3 конца полушелковицы красной—90 р.; 2 конца китайки зеленой по 6 р. 50 к. арш. 13 р.; 5 концовъ китайки черной по 6 р. 50 к. 32 р. 50 к.; 20 платковъ бумажныхъ разнаго цвѣта 70 р.; 4 платка шелковые красные большие подъ золотомъ -120 р.; 2 платка чернаго цвѣта подъ золотомъ—50 р.; 1 платокъ бѣлый, цвѣты серебрян. съ золотомъ 30 р.; 1 шаль, сторона голубая, а другая красная 25 р.; 5 платковъ борцовыхъ старинныхъ 35 р.; 13 платковъ гранитуровыхъ большихъ, цвѣты золотыя—169 р.; 6 платковъ гранитуровыхъ разн. цвѣта съ метлеками 30 р.; 1 нагрудникъ, моржанами и жемчугомъ унизанъ—150 р.; 1 шуба мужская тонкаго сукна темнаго цвѣта, мѣхъ волчей лапы, опушенъ выдрой—367 р. 50 к.; 1 шуба мужская черной китайки, мѣхъ мерлушчатый, опушенъ выдрой -50 р.; 1 сюртукъ черный кармазинный -50 р.; 1 куртка плисовая черная—19 р.; 1 кафтанъ тонкаго черемховаго цвѣта—180 р.; 1 конецъ самзы—40 р.; 1 шаровары тонкаго сукна голубые -15 р.; 1 колпакъ азіатскій полушелковый—10 р.; 1 рубаха дабинная 5 р.; 1 кошелекъ шелковый шитый золотомъ 12 р.; 1 халатъ китайчетый, черный подкладъ тонкаго сукна -15 р.; 1 халатъ китайчетый зеленый 13 р.; 7 аршинъ плису чернаго по 4 р. арш. 28 р.; 200 мотушекъ шелку разнаго цвѣта 50 р.; 60 мотушекъ серебра и золота—18 р.; 1 коверъ персидскій—90 р.; 1 фунтъ пороху 2 р. 50 к.; 7 фунт. свинцу по 50 коп.—6 р.; 1 ружье—35 р.; 14 фунтовъ сахару по 2 р. 50 к.; чаю по 7 руб. ф. 45 р.; 1 чайникъ мѣдный большой 7 р.; 2 пары чайныхъ чашекъ 13 р.; 8 чашекъ красныхъ китайскихъ—8 р.; 9 перстней серебряныхъ, 3 вызолоченыхъ—61 р.; 1 перстень большой серебряный 30 р.; 16 корольковъ моржану—160 р.; 4 пары сергъ серебряныхъ съ моржанами—80 р.; 2 креста серебрян. вызолоченые, женскіе съ цѣпочками—90 р.; 1 креста мужскихъ серебряныхъ—20 р.; 6 паръ сапоговъ юфтовыхъ по 5 руб. 30 р.; 5 паръ рукавицъ юфтовыхъ, 2 пары лосиныхъ 11 р. 50 к.; 1 шапка круглая камчатскаго бобра, верхъ красн. бархату 180 р.; 3 шапки камчатскаго бобра верхъ зеленаго бархату 45 р.; 2 занавѣси шитыя шелковыя по 30 р. 60 р.; 3 сумы юфтовыхъ по 10 р., 1 сыромятная 8 руб.—38 р.; 80 паръ лапъ собольихъ 24 р. 30 к., 5 паръ лисьихъ 7 р. 50 к.—31 р. 80 к.; 1 узда шелковая серебромъ украшена—35 р.; 1 узда ременная украшена гвоздями 13 р. 50 к.; 1 патфея, съ чепракомъ оправлена серебромъ -30 р.; 2 сѣдла братскихъ кечемъ съ приборомъ оправлены серебромъ 170 р.; 2 бритвы 5 р.; 3 ножницъ 3 р.; топоръ 1 р. 50 к.; желѣза одинъ пудъ- 10 р. 50 к.; 2 огнива серебромъ оправлены -10 р.; 1½ фунта табаку черкасскаго—1 р. 50 к.; 1 ножикъ большой, черенъ мѣдной, ножны оправлены серебромъ -10 р.; 2 ножа складныхъ среднія, одинъ черенъ роговой и 2-й мѣдный съ цвѣточками -10 р.; 1 гребень костяной рѣзной вызолоченый—10 р.; 1 гребень костяной рѣзной вызолоченый—5 р.; 3 гребня костяныхъ большихъ- 12 р. Итого, кромѣ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, на 6119 р.

Документъ этотъ относится къ 1825 году, т. е. къ тому времени, когда даже отступленіе инородцевъ въ этой мѣстности совершилось уже по всей почти линіи и когда данный районъ находился подъ опекой правительства и ближайшимъ попечительствомъ мѣстной администраціи, къ которой и инородцы стали уже обращаться за защитой и покровительствомъ. Слѣдовательно, для разбоевъ было уже меньше простора, чѣмъ прежде: тѣмъ не менѣе они все-таки происходили и въ это время.

Документъ этотъ интересенъ еще, съ одной стороны, какъ характерный образчикъ того богатства, которое заключалось въ то время въ юртахъ наиболѣе богатыхъ татаръ (теперь это богатство значительно сократилось и не выражается уже въ такомъ изобиліи дорогихъ мѣховъ и обложенныхъ серебромъ вещей, какъ въ данномъ случаѣ); съ другой стороны, онъ интересенъ, какъ доказательство, что около того времени инородцы мѣстностей, прилегающихъ къ Ужурской и Шарыповск. волостямъ, вели уже довольно обширныя торговыя сношенія съ русскими (покупали у нихъ многіе предметы роскоши и необходимости) и какъ характеристика высокихъ цѣнъ, по какимъ добывались въ то время инородцами предметы покупки.

Приступая затѣмъ къ сводкѣ цыфръ по времени основанія селеній и по происхожденію (мѣсту выхода) первыхъ засельщиковъ селеній разныхъ округовъ губерніи, нельзя не прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ. Старыя селенія, существующія не менѣе 100 лѣтъ, составляютъ въ изслѣдованныхъ округахъ около 70% общаго числа изслѣдованныхъ селеній; поселенія же, которымъ не болѣе 50 лѣтъ, составляютъ около 20%, въ томъ числѣ поселковъ, коимъ не болѣе 10 лѣтъ, около $2^1/_2$%. Наибольшее число послѣднихъ имѣется въ Минусинскомъ округѣ, наименьшее въ Красноярскомъ. Поселки новѣйшаго происхожденія въ Канскомъ и Красноярскомъ округахъ основаны преимущественно въ волостяхъ, прилегающихъ къ Московскому почтовому тракту, которымъ обыкновенно идутъ переселенцы, направляющіеся на востокъ. Поселки же новѣйшаго образованія въ Минусинскомъ округѣ разбросаны по разныхъ районамъ, что и объясняется тѣмъ, что въ Минусу, находящуюся вдали отъ тракта, переселенцы идутъ не по пути, а именно съ цѣлью поселиться тамъ, гдѣ будетъ возможно.

Изъ общаго числа всѣхъ тѣхъ же (260) селеній 45% основаны сибиряками изъ существовавшихъ уже деревень, 39% прямо переселенцами изъ Европейской Россіи и въ томъ числѣ 16% (общаго числа) переселенцами Европейской Россіи изъ смежныхъ съ Сибирью губерній: Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской и 1% основано одними инородцами. Что касается состава переселенцевъ изъ Европейской Россіи (кромѣ Вятской, Пермской, Оренбургской и Уфимской губерній), то по губерніямъ онъ располагается въ слѣдующемъ исходящемъ порядкѣ: Курской, Тамбовской, Самарской,

Нижегородской, Орловской, Воронежской, Казанской, Тульской, Пензенской, Рязанской и Московской.

Изъ собранныхъ данныхъ (надо замѣтить *неполныхъ*—уже по тому одному, что они основаны на преданіяхъ и потому ограничиваются извѣстнымъ временемъ) видно, что заселеніе различныхъ частей губерніи шло повидимому въ неодинаковыхъ направленіяхъ. Сѣверная часть Канскаго и Красноярскаго (Сухобузимская волость) округовъ заселились изъ болѣе сѣвернаго Енисейскаго округа, средняя (Канскаго округа)—частію изъ сѣверной своей половины. Въ періодъ времени, захватываемый преданіями, притокъ въ эти два округа населенія изъ Европейской Россіи былъ незначительный, но о заселеніи почти 40% селеній этихъ 2-хъ округовъ, преданій не собрано, потому что большая ихъ (т. е. селеній) часть возникла очень давно. Весьма возможно, что многіе изъ нихъ основаны именно пришельцами изъ Европейской Россіи.

Значительное число селеній по Московскому тракту заселилось при помощи правительства путемъ вызова переселенцевъ, съ дарованіемъ имъ льготъ и пособій, какъ и многіе изъ бывшихъ форпостовъ и станицъ въ мѣстностяхъ, приграничныхъ къ кочевьямъ тогдашнихъ инородцевъ въ Минусинскомъ и частію Канскомъ и Красноярскомъ округахъ. Въ Ачинскомъ округѣ заселеніе, начавшись съ средней его части, подвинулось на непривѣтный и неудобный для земледѣлія сѣверъ очень недалеко, и тамошніе инородцы нынѣшняго Мелецкаго вѣдомства, повидимому, остались поэтому на своихъ мѣстахъ или почти не двинулись дальше, движеніе же русскихъ направилось къ югу, и самая южная и юго-западная части округа (Ужурск. и Шарып. вол.) заселились сравнительно недавно попреимуществу изъ средней части того же Ачинскаго округа. Минусинскій округъ—въ тотъ періодъ, о которомъ сохранились преданія—наиболѣе другихъ округовъ заселился непосредственно переселенцами изъ Европейской Россіи; разселеніе въ немъ остального населенія въ значительной мѣрѣ шло въ разбродъ, въ разныя стороны, такъ какъ засельщики розыскивали себѣ осѣдлость въ разныхъ направленіяхъ, но значительная часть селившихся тутъ сибиряковъ, двигалась, главныхъ образомъ, съ юга на сѣверъ (были выходцы болѣе сѣверныхъ округовъ: Красноярскаго, Ачинскаго и даже Енисейскаго). Ближе къ нашему времени это стремленіе къ югу, обозначившееся уже на переселеніи 200 лѣтъ

назадъ многихъ крестьянъ Енисейскаго округа въ Канскій пріобрѣтало все болѣе и болѣе значенія и, надо замѣтить кстати, недалеко то время, когда это стремленіе докончитъ заселеніе Минусы, въ которой и теперь уже мѣстами становится тѣсно.

Вышеизложеннымъ, надѣюсь, достаточно выяснился характеръ и значеніе данныхъ по исторіи заселенія Сибири, заключающихся въ преданіяхъ мѣстнаго населенія. Изъ вышеизложеннаго ясно также, мнѣ кажется, что еслибы эти данныя можно было связать съ данными архивныхъ документовъ, то исторія заселенія края выяснилась бы съ заслуживающею всякаго вниманія полнотою, и что матеріалъ, собранный изъ преданій, можетъ служить интереснымъ дополненіемъ къ архивнымъ даннымъ по исторіи заселенія различныхъ мѣстностей Сибири. Съ другой стороны, при помощи архивнаго матеріала, въ сообщенныя здѣсь данныя возможно было бы внести необходимыя поправки неточностей, вкравшихся въ эти преданія, такъ что выясняемая здѣсь исторія заселенія представила бы, при содѣйствіи архивнаго матеріала, болѣе точности. И это *тѣмъ* болѣе, что въ данномъ случаѣ, имѣя главную цѣль—показать, какое значеніе въ разъясненіи исторіи заселенія Сибири должно и можетъ имѣть собираніе мѣстныхъ преданій, и не желая поэтому вводить въ него какой бы то ни было матеріалъ иного происхожденія,—дабы значеніе и степень полноты извлекаемыхъ изъ мѣстныхъ преданій данныхъ оттѣнились наиболѣе выпукло,—я излагалъ ее *исключительно* по матеріаламъ преданій [1]), не касаясь даже тѣхъ, имѣющихся уже въ литературѣ, данныхъ по этому вопросу, которыя можно найти, напримѣръ, въ трудѣ проф. Ѳирсова: «Инородческое населеніе Россіи и ея колонизація до 1762 года», въ трудахъ гг. Щеглова, Андріевскаго, Шаркова, Ядринцева, не говоря уже о болѣе старинныхъ работахъ Фишера, Семивскаго, Миллера и пр., хотя при пользованіи уже одними этими литературными источниками, не касаясь даже нетронутыхъ еще данныхъ, лежащихъ въ мѣстныхъ архивахъ, матеріалъ названныхъ источниковъ и матеріалъ преданій взаимно дополнили бы другъ друга...

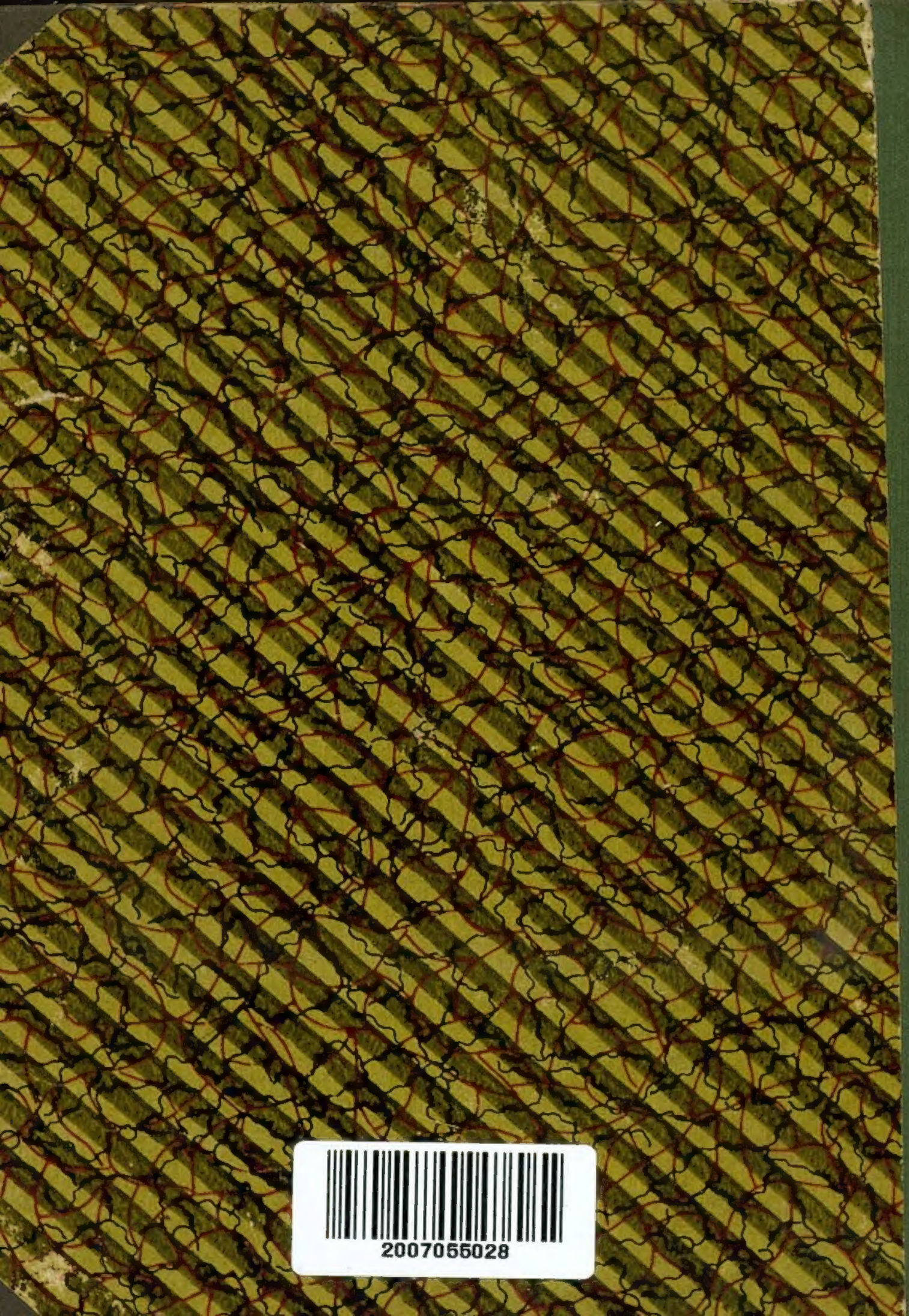
Сдѣлавъ такую оговорку, я долженъ еще сказать, что такъ какъ собираніе матеріала преданій, полученнаго при помянутомъ статистико-экономическомъ изслѣдованіи, не составляло задачи изслѣдо-

---

[1]) Не считая немногихъ, указанныхъ въ текстѣ, ссылокъ на документы.

ванія и производилось лишь попутно, кстати, то многое все-таки могло ускользнуть отъ вниманія и потому изслѣдованіе преданій, предпринятое съ *спеціальною* цѣлью ихъ собиранія, могло бы, по всей вѣроятности, дать матеріалъ гораздо болѣе полный. Не могу не упомянуть по этому поводу, что, насколько мнѣ извѣстно, по нѣкоторымъ мѣстностямъ Енисейской губерніи чрезъ волостныя правленія и земскихъ засѣдателей собирались въ 1891 году, на основаніи преданій мѣстнаго населенія и частію архивныхъ документальныхъ данныхъ, свѣдѣнія по исторіи образованія многихъ отдѣльныхъ селеній въ качествѣ матеріала для составленія краткаго очерка Енисейской губерніи, составлявшагося для представленія Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу при слѣдованіи Его Высочества чрезъ Сибирь изъ кругосвѣтнаго путешествія. Очень желательно было бы, чтобы этотъ сырой матеріалъ по исторіи заселенія, только развѣ небольшою частію попавшій въ помянутое описаніе, не пропалъ бы безслѣдно въ канцеляріяхъ и архивахъ, какъ это у насъ случается нерѣдко. Современнаго положенія вопроса о заселеніи Енисейской губерніи, о происходящихъ нынѣ переселеніяхъ въ нее, не смотря на наличность необходимаго матеріала, я здѣсь касаться не буду, потому что это не входитъ въ задачу настоящаго труда,—это не отошло еще въ область *исторіи* края.

Темой слѣдующихъ докладовъ по исторіи заселенія Енисейской губерніи, на основаніи тѣхъ же, собранныхъ разспроснымъ путемъ данныхъ, будетъ печальная, въ общемъ, исторія штрафной и ссыльной колонизаціи, исторія козацкихъ станицъ и поселеній крестьянъ, присылавшихся въ зачетъ рекрутъ и вообще исторія колонизаціи края съ правительственной помощью. Ея изложеніемъ и будетъ исчерпана сущность матеріала, собраннаго по этому вопросу въ 1889—90 гг. при статистико-экономическомъ изслѣдованіи Восточной Сибири.



2007055028